

Земельный вопросъ

и

Переселеніе.

А. Кауфмана.

Говорятъ, и справедливо говорятъ, что въ Россіи нѣтъ земельного или—какъ чаще выражаются—аграрнаго вопроса: есть аграрные вопросы, и этихъ вопросовъ столько, сколько есть отличающихся другъ отъ друга по естественнымъ и экономическимъ условіямъ районовъ, сколько есть различныхъ по этнографическому составу, историческому прошлому, культурному уровню, характеру землевладѣнія и тысячъ другихъ признаковъ группъ населенія. Но если это справедливо вообще, если, въ частности, нельзя найти единой, общей формулировки аграрнаго вопроса даже для одной только коренной, Европейской Россіи, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о такомъ одномъ аграрномъ вопросѣ, который былъ бы общимъ для Европейской Россіи и Сибири.

Здѣсь было бы, конечно, неумѣстно входить въ изслѣдованіе сущности аграрнаго вопроса, какъ онъ стоитъ въ настоящее время въ Европейской Россіи, а тѣмъ болѣе—тѣхъ разнообразныхъ аграрныхъ вопросовъ, какіе поставились для разныхъ ея районовъ и группъ населенія. Но если попытаться свести этотъ вопросъ къ одной общей формулѣ, то формула эта будетъ: конфликтъ между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классомъ, между трудовымъ и рентнымъ землевладѣніемъ. Между тѣмъ въ Сибири, можно сказать, нѣтъ частнаго рентнаго землевладѣнія, нѣтъ, слѣдовательно, и владѣльческаго класса,—значить, не можетъ быть и рѣчи о такого рода конфликтѣ. Это не значитъ, конечно, чтобы въ Сибири вовсе не было частныхъ владѣній и частныхъ владѣльцевъ; но тѣхъ и другихъ такъ мало, что не можетъ быть рѣчи о частныхъ владѣльцахъ какъ классѣ сибирскаго населенія, о частномъ владѣніи какъ серьезномъ факторѣ въ экономической и соціальной жизни страны:

послѣдняя остается чисто-мужицкою странною, и землевладѣніе въ Сибири остается государственно-крестьянскимъ землевладѣніемъ.

Изъ всей огромной площади Сибири, составляющей $11\frac{1}{2}$ милліоновъ кв. верстъ, или около 1.200 милліоновъ десятинъ, на долю частнаго землевладѣнія приходится, по собраннымъ въ 1899 году, несомнѣнно соотвѣтствующимъ и современной дѣйствительности свѣдѣніямъ, всего 524 тыс. дес., что составляетъ 0,04 или $\frac{1}{24}$ % всего пространства страны; свыше половины этой площади, 284.000 дес., приходится на Тобольскую губернію, 26 тыс. на Томскую, 16 тыс. на Приморскую область, — остальные 200 тыс. десятинъ приблизительно поровну распределяется между Енисейскою и Иркутскою губерніями и Амурскою областью. Число частныхъ владѣльцевъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, достигаетъ 1.200, изъ которыхъ также около половины приходится на Тобольскую губернію, около пятисотъ — на двѣ области дальняго Востока, и всего 75 — на три средне-сибирскія губерніи.

Эти частныя владѣнія возникли въ разное время и при весьма разнообразныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, числомъ немногія, но по размѣрамъ самыя крупныя, образовались въ XVII и XVIII вв., въ результатѣ отвода земель служилымъ людямъ или выдачи крѣпостныхъ актовъ вліятельнымъ туземцамъ, изъ которыхъ стремились сдѣлать оплотъ русской власти и вліянія въ краѣ. Большинство частныхъ владѣній въ западной Сибири возникло въ XIX столѣтіи, какъ слѣдствіе ряда попытокъ правительства къ систематическому „насажденію“, въ мужицкой Сибири, института частной земельной собственности. Безрезультатность этихъ попытокъ избавляетъ насъ отъ необходимости входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе. Достаточно отмѣтить, что продажи и пожалованія государственной земли въ частныя руки, начавшіеся въ 40-хъ, прекратились въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, — прекратились въ виду сознаннаго правительствомъ полнаго несоотвѣтствія достигавшихся результатовъ имѣвшимся въ виду цѣлямъ и задачамъ. Въ продолженіе почти сорока лѣтъ единственною частью Сибири, гдѣ отчужденіе государственныхъ земель въ частныя руки допускалось закономъ, были Амурская и Приморская области, гдѣ изданный въ 1860 году законъ допускалъ какъ выкупъ крестьянами отводимыхъ имъ надѣльныхъ земель въ частную собственность, такъ и продажу казенной земли въ частныя руки; продажа разрѣшалась участками до 400 десятинъ, а для „значительныхъ, полезныхъ для края предпріятій“ — до тысячи десятинъ. Но вполне основательное опасеніе, что съ проложеніемъ Сибирской желѣзной дороги на почвѣ, со-

зданной этимъ закономъ, разовьется обширная земельная спекуляція, побудило правительство въ 1895 году приостановить дѣйствіе этого закона. Какъ это, однако, ни странно,—но приблизительно около того же времени въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ объ изданіи новаго, общаго уже для всей Сибири закона „о мѣрахъ къ насажденію частнаго землевладѣнія“, иначе сказать—о продажѣ казенныхъ земель въ частныя и преимущественно въ дворянскія руки. Тщетно и общая, и мѣстная печать, опираясь на официальный матеріалъ, указывала на крайне неудачный опытъ уже существующихъ въ странѣ частныхъ владѣній, которыя ничего не дали для повышенія сельскохозяйственной культуры и въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже не представляютъ собою самостоятельныхъ хозяйственныхъ предпріятій; тщетно она доказывала что соціально-экономическія условія Сибири, въ частности—отсутствіе безземельнаго или малоземельнаго сельскаго пролетаріата, исключаютъ возможность развитія въ странѣ владѣльческаго хозяйства; представленный могущественнымъ „особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ дворянскаго сословія“, владѣльческой классъ сумѣлъ добыться своего, и въ 1902 году былъ утвержденъ законъ о „насажденіи“ въ Сибири частнаго землевладѣнія. Къ счастью, законъ этотъ до сихъ поръ остался мертвою буквою,—въ Сибири, гдѣ теперь съ такимъ трудомъ находятъ землю для переселенцевъ, естественно, не удалось найти земель, которыя могли бы быть отчуждены въ частное владѣніе и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, оказались бы достаточно привлекательными для владѣльцевъ in spe.

Такъ или иначе, повторяю, въ Сибири не создалось ни владѣльческаго класса, ни частнаго землевладѣнія, какъ замѣтнаго фактора въ экономической и соціальной жизни страны; въ Сибири нѣтъ, слѣдовательно, и аграрнаго вопроса въ томъ смыслѣ, какъ онъ стоитъ въ настоящее время въ Европейской Россіи. Сибирь какъ всегда была, такъ и сейчасъ остается страной государственнаго и крестьянскаго землевладѣнія и—можно сказать—исключительно крестьянскаго хозяйства. Рядомъ съ казною въ Сибири есть, правда, другой очень крупный земельный собственникъ—кабинетъ Его Величества, являющійся представителемъ имущественныхъ правъ и интересовъ царствующаго Императора и владѣющій въ Сибири 43 милліонами десятинъ: огромнымъ Алтайскимъ округомъ, охватывающимъ всю южную, лучшую половину Томской губерніи, и сравнительно небольшимъ (900 т. дес.) Нерчинскимъ округомъ, въ Забайкальѣ. Но владѣніе кабинета покоится не на частно, а на государственно-правовыхъ основаніяхъ; на государственно-правовыя же основанія поставлено и управление огромнымъ земельнымъ иму-

ществомъ кабинета, — а потому владѣнія послѣдняго приходится не противупологать государственному землевладѣнію, а разсматривать лишь какъ особую его категорію. Наличие въ Сибири кабинетскихъ владѣній ничуть не мѣшаетъ, слѣдовательно, признавать Сибирь страной исключительно государственнаго и крестьянскаго землевладѣнія. Верховнымъ собственникомъ всей земли въ Сибири является государство (кромѣ нѣкоторыхъ инородческихъ дачъ) — мы увидимъ ниже, что сибирское населеніе и до сихъ поръ пользовалось землею, и даже при окончательномъ поземельномъ устройствѣ получаетъ ее въ надѣлъ на правахъ владѣнія и пользованія, съ сохраненіемъ за государствомъ собственническихъ правъ. Изъ необъятныхъ владѣній казны (и кабинета) одна часть состоитъ въ „единственномъ владѣніи“ населенія, владѣющаго и пользующагося землей на основаніи тѣхъ или другихъ актовъ государственнаго землеустройства; другая состоитъ въ „единственномъ“ же владѣніи казны и въ непосредственномъ завѣдываніи вѣдомства государственныхъ имуществъ или кабинета — это, главнымъ образомъ, лѣсныя дачи, частью — такъ называемыя оброчныя статьи, т. е. земельныя уголья, эксплуатируемыя, въ видѣ правила, путемъ сдачи въ аренду или крестьянскимъ обществамъ, или частнымъ лицамъ; наконецъ, необъятныя пространства до сихъ поръ еще не разграничены между населеніемъ, съ одной стороны, и вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ или кабинетомъ, съ другой: это, главнымъ образомъ, урманы и тайга, гдѣ сотни милліоновъ десятинъ до сихъ поръ остаются, фактически, безхозайными, и гдѣ среди безпредѣльныхъ лѣсовъ вкраплены клочки фактическаго пользованія тѣхъ или другихъ, чаще всего мелкихъ группъ населенія.

По свѣдѣніямъ 1903 года въ составѣ лѣсныхъ дачъ числится, собственно по четыремъ губерніямъ коренной Сибири, 27 милліоновъ, подъ оброчными статьями — менѣе 2 милліоновъ десятинъ. Размѣры крестьянскаго и инородческаго землепользованія по даннымъ, относящимся къ началу 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, выражаются для 19 уѣздовъ четырехъ западно и средне-сибирскихъ губерній въ цифрѣ 32 милл., для Забайкальской области въ 13 милл. десятинъ. Но всѣ эти цифры имѣютъ лишь очень приближенное значеніе: количество земель разныхъ категорій владѣнія и пользованія измѣняется съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ хода, съ одной стороны изслѣдованія сибирскихъ урмановъ и тайги и принятія лѣсовъ въ дѣйствительное завѣдываніе казны, а съ другой стороны — землеустройства старожилаго населенія Сибири и отвода земель переселенцамъ; съ каждымъ годомъ возрастаетъ площадь казенныхъ лѣсныхъ дачъ и земель крестьянскаго владѣнія и пользованія, на-

противъ — сокращается пространство неразмежеванныхъ земель и лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе послѣдніе и до сихъ поръ составляютъ, конечно, подавляющую по своей громадности часть необъятнаго пространства Сибири.

Итакъ, земельный вопросъ въ Сибири, этой странѣ государственнаго и крестьянскаго землевладѣнія, — это во всякомъ случаѣ не тотъ аграрный вопросъ, который такъ остро и грозно стоитъ, въ настоящее время, въ Европейской Россіи. И это, вмѣстѣ съ тѣмъ, не какой-нибудь одинъ сибирскій аграрный или земельный вопросъ — это сибирскіе земельные вопросы, — цѣлая группа разнообразныхъ вопросовъ, въ зависимости и отъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій разныхъ мѣстностей Сибири, и отъ разнообразія состава ея населенія, и отъ пестроты условій землевладѣнія и землепользованія различныхъ группъ этого послѣдняго. Къ обзору всѣхъ этихъ условій мы и должны теперь обратиться.

Прежде всего: когда говорятъ вообще о Сибири и въ частности о сибирскомъ земельномъ вопросѣ, то обыкновенно имѣютъ въ виду одну только, сравнительно очень небольшую по протяженію полосу, хотя и вмѣщающую значительное большинство всего вообще населенія страны, въ частности — почти все ея русское населеніе, — полосу, которую правильнѣе всего будетъ назвать полосою экстенсивнаго земледѣлія, и которою и намъ, почти исключительно, придется заниматься въ дальнѣйшемъ изложеніи. Естественныя условія ея представляютъ всѣ переходы отъ совершенно безлѣсныхъ, сухихъ степей крайняго юго-запада Томской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстностей Забайкалья до почти сплошь покрытыхъ лѣсомъ дебрей Нижнеудинской тайги. Но преобладающая роль принадлежитъ мѣстностямъ разныхъ переходныхъ типовъ: въ Тобольской, напримѣръ, губерніи и на западѣ Томской — по преимуществу такъ называемой лѣсо-степи, т. е. равнинамъ, усѣянными многочисленными озерами, среди которыхъ протягиваются невысокія „гривы“ съ прекрасною песчано-черноземной почвой, перемежаясь болѣе или менѣе обширными березовыми „колками“ и пятнами болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго солонца. Въ средней Сибири мѣстность принимаетъ болѣе лѣсистый характеръ, а населеніе и его угоды группируются по преимуществу по окраинамъ лѣсовъ, по долинамъ болѣе значительныхъ рѣкъ и по прирѣчнымъ уваламъ; только въ самое послѣднее время населеніе начинаетъ проникать вглубь тайги и урмановъ, выбирая для поселенія, по преимуществу, такія площади, гдѣ многократные лѣсные пожары ускорили процессы созрѣванія почвы и уничтожили первобытное хвойное насажденіе. Ниже мнѣ придется подробнѣе говорить и о составѣ

населенія этой полосы, и о характерѣ крестьянскаго хозяйства. Но уже теперь необходимо отмѣтить, что населеніе это въ Тобольской губерніи исключительно, въ Томской и въ большей части уѣздовъ Енисейской почти исключительно русское, и только въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области аборигены края, инородцы, составляютъ значительную, хотя тоже не преобладающую по численности часть населенія. Издавна служившая главнымъ пріемникомъ русской колонизаціи Сибири, эта полоса и въ настоящее время продолжаетъ заселяться выходцами изъ Европейской Россіи, которые селятся частью въ старожильскихъ селеніяхъ, частью въ промежуткахъ между ними, частью, наконецъ,—по окраинамъ изстари заселенныхъ мѣстностей, гдѣ начинаются урманы и тайга.

Землевладѣніе и землепользованіе какъ старожилаго крестьянскаго, такъ и инородческаго населенія, въ нѣсколько меньшей степени—землевладѣніе новыхъ переселенцевъ, слагалось при условіяхъ чрезвычайнаго простора; и старожилы, и въ особенности инородцы, пользовались фактически-безграничною свободою занятія и разработки земель для сельскохозяйственнаго пользованія, а также и эксплуатаціи лѣсовъ, съ ихъ запасами звѣря и дичи, и водъ, изобиловавшихъ рыбой; естественно, что эксплуатація естественныхъ богатствъ края носила крайне экстенсивный, нерѣдко граничащій съ хищничествомъ характеръ: „первые насельники страны — писаль въ 1902 году одинъ мѣстный дѣятель, въ докладѣ своемъ Тобольскому комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, нашли ее чрезвычайно обильной дарами природы, и потому хозяйство ихъ приняло чисто хищнической, чуждый разумной предусмотрительности характеръ; при полномъ земельномъ просторѣ и обилии не расхищенныхъ еще тогда естественныхъ богатствъ, такое хозяйство давало извѣстный матеріальный достатокъ, и не было нужды ни въ какихъ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ,—да ихъ не откуда было и заимствовать. Позднѣйшія поколѣнія унаслѣдовали систему хозяйничанья своихъ предковъ, не унаслѣдовали уже ни прежняго земельного простора, сократившагося съ увеличеніемъ населенія, ни лѣсовъ, истребленныхъ топоромъ хищника и пожарами, ни нетронутой дѣвственной почвы, истощенной хищническимъ хозяйствомъ, ни рыбныхъ богатствъ, уничтоженныхъ безразсудною ловлей и загрязненіемъ водъ“... Но разсматриваемая полоса — это не просто полоса экстенсивнаго, граничащаго съ хищничествомъ, хозяйства, которое такими яркими чертами изобразилъ покойный Ядринцевъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Сибирь какъ колонія“; это полоса экстенсивнаго земледѣлія. И аборигены края, инородцы,

и крестьяне-сторожилы, и водворяющіеся въ предѣлахъ этой полосы переселенцы, при всемъ разнообразіи естественныхъ условий, вездѣ находили, въ изобиліи, какъ-бы ожидавшія плуга безлѣсныя степи или разбросанныя между лѣсовъ поляны, въ худшемъ случаѣ—площади, поросшія мелкимъ лѣсомъ и не представлявшія никакихъ затрудненій для расчистки; они вездѣ находили въ изобиліи готовые естественные сѣнокосы и обширныя, тучныя пастбища, а потому земледѣліе, въ той или другой комбинаціи со скотоводствомъ, вездѣ становилось и до сихъ поръ осталось основнымъ источникомъ благосостоянія населенія. При широкомъ просторѣ господствовали и до сихъ поръ, въ значительной мѣрѣ, продолжаютъ господствовать экстенсивные типы залежнаго хозяйства, которое, по мѣрѣ сокращенія прѣжняго земельного простора, постепенно переходитъ въ беззалежное паровое хозяйство двухпольнаго или трехпольнаго типа.

Сказаннаго, пока, достаточно для общей характеристики полосы экстенсивнаго земледѣлія, о которой мнѣ придется подробнѣе говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи, и которая, совершенно законно, всегда привлекала и привлекаетъ къ себѣ наибольшее вниманіе и интересъ. Но повторяю—эта полоса занимаетъ лишь небольшую по пространству часть необъятнаго пространства Сибири. Непосредственно съ сѣвера къ ней примыкаетъ неширокая, полужемледѣльческая, полупромысловая полоса, въ составъ которой входятъ: въ Тобольской губерніи южныя части Тобольскаго и въ особенности Туринскаго уѣздовъ, въ Томской—южная часть Нарымскаго края, въ Енисейской—часть Енисейскаго, въ Иркутской—части Киренскаго и Верхоленскаго, въ Забайкальской—часть Баргузинскаго уѣзда. Абсолютная густота населенія вездѣ крайне незначительна; населеніе это располагается почти исключительно вдоль побережій главныхъ рѣкъ, а междурѣчные волоки остаются совершенно пустынными. Но при кажущемся безпредѣльномъ просторѣ, населеніе отнюдь не имѣетъ избытка въ культурныхъ земляхъ; напротивъ—количество послѣднихъ очень, а мѣстами и крайне незначительно, и запашки очень невелики; это потому, что земли—исключительно лѣсныя, и разработка ихъ подъ пашню требуетъ слишкомъ много времени и слишкомъ большихъ затратъ труда. Отсюда, при мало-плодородной, въ видѣ правила, почвѣ,—еще и то послѣдствіе, что хозяйство въ рассматриваемой полосѣ ведется уже не по залежному, а по трехпольному, на крайнемъ сѣверѣ даже по двухпольному типу съ интенсивнымъ и правильнымъ навознымъ удобреніемъ. При благоприятномъ стеченіи обстоятельствъ—напримѣръ, въ южной части Туринскаго и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ

Тюменскаго уѣзда, — при сравнительной легкости разработки пашенъ, удовлетворительной почвѣ, изобиліи луговъ, поставленное такимъ образомъ земледѣліе даетъ прекрасные результаты, вполне обеспечивая продовольствіе населенія, для котораго, затѣмъ, дополнительными источниками благосостоянія являются разнообразные кустарные промыслы, сборъ кедроваго орѣха, охота, рыболовство, а кромѣ того — эксплуатація инородцевъ, главнымъ образомъ — обитающихъ дальше на сѣверъ, уже внѣ предѣловъ земледѣльческой полосы соответствующихъ губерній. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ естественныя условія менѣе благопріятны для трехпольнаго или двухпольнаго земледѣлія, запашки сокращаются до окончательно ничтожныхъ размѣровъ, и главнымъ источникомъ средствъ существованія населенія становятся такіе промыслы, какъ, опять-таки, рыбный, звѣриный, кедровый и т. п., а также извозъ, содержание гоньбы, работа на капиталистическихъ рыбныхъ промыслахъ и т. л.

За предѣлами этой переходной полосы лежитъ чрезвычайно обширный по пространству, но крайне слабо населенный сѣверъ, который характеризуется, говоря вообще, полнымъ отсутствіемъ земледѣлія. Исключеніе составляютъ только южные или точнѣе — юго-западные уѣзды Якутской области; и здѣсь земледѣліе до сравнительно недавняго времени считалось совершенно невозможнымъ; въ 40-хъ годахъ появились однако первыя попытки земледѣлія, которое въ настоящее время сдѣлало среди якутовъ довольно значительные успѣхи: по даннымъ начала 90-хъ годовъ якуты юго-западныхъ уѣздовъ области засѣвали свыше 10 тыс. десятинъ, и около такого же количества засѣвалось русскимъ населеніемъ, по преимуществу ссыльными скопцами. Невозможность земледѣлія отнюдь не можетъ считаться окончательно установленною и для многихъ другихъ мѣстностей сѣвера Сибири: болѣе или менѣе удачныя попытки посѣва хлѣбовъ дѣлались на 64-ой параллели и, можетъ быть, еще дальше на сѣверъ. Но климатическія условія сѣверной полосы Сибири, во всякомъ случаѣ, крайне неблагопріятны для земледѣлія, и послѣднее, фактически, совершенно здѣсь не существуетъ. Туземное, инородческое населеніе этой полосы существуетъ исключительно насчетъ немногихъ промысловъ, — съ тѣми или другими вариантами, на всю эту полосу можетъ быть распространена нижеслѣдующая характеристика, какую мы находимъ въ трудахъ того же Тобольскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: „первенствующую роль играетъ рыба и рыбный промыселъ, служащій основнымъ источникомъ благосостоянія большей части обитателей края. Затѣмъ слѣдуетъ оленеводство, — олень является главнымъ источникомъ существованія обитателей самаго крайняго сѣ-

вера. Звѣриный промыселъ для извѣстной части населенія есть главное занятіе, дающее средства къ существованію“, — въ другихъ мѣстностяхъ это занятіе, „по значенію равносильное рыболовству, въ третьихъ — вспомогательное при оленеводствѣ и рыболовствѣ; добываніе птицы не составляетъ промысла за отсутствіемъ спроса, но въ народной экономіи края птица имѣетъ значеніе какъ продуктъ, замѣняющій мясо“. Русский элементъ въ предѣлахъ этой полосы (опять таки, за исключеніемъ юго-запада Якутской области, который поэтому, можетъ быть, правильнѣе причислить къ средней, переходной полосѣ) имѣется налицо лишь въ лицѣ немногочисленныхъ торговцевъ, операціи которыхъ построены всецѣло на закабаливаніи, обманѣ и спаиваніи инородцевъ. Послѣдніе владѣютъ весьма значительными естественными богатствами и прежде всего — рыбными ловлями въ низовьяхъ большихъ рѣкъ; но „богатѣйшія рыбныя ловли нисколько не обогащаютъ инородцевъ“. „Инородцы“ — читаемъ мы въ трудахъ Енисейскаго комитета, „занимаясь рыболовствомъ, звѣроловствомъ или оленеводствомъ, являются такъ прочно закабаленными, что сбываютъ продукты своей промышленности непремѣнно въ однѣ и тѣ-же руки“; весь Туруханскій край, который въ данномъ отношеніи является типичнымъ и для всего остального сѣвера Сибири, „какъ бы раздѣленъ на нѣсколько княжествъ, изъ которыхъ въ каждомъ живетъ по одному, по два человѣка богатыхъ людей изъ русскихъ, которые держатъ въ полной отъ себя экономической зависимости не только инородцевъ, но до нѣкоторой степени и русскихъ“; и въ конечномъ результатѣ „инородцы, обитающіе на берегу Енисея“, въ районѣ операцій этихъ хищниковъ, „отличаются крайнею нищетою, а нѣкоторые изъ нихъ вымираютъ; за предѣлами долины Енисея, по мѣрѣ удаленія инородцевъ отъ непосредственнаго и постояннаго соприкосновенія съ русскими, матеріальное положеніе инородцевъ улучшается“. Главное богатство этихъ злосчастныхъ аборигеновъ края, ихъ рыбные пески, всегда въ рукахъ арендаторовъ-капиталистовъ, причемъ „исходъ всегда одинъ и тотъ же: арендаторъ въ скоромъ времени дѣлается настоящимъ хозяиномъ песка и патрономъ его владѣльцевъ“...

Ясно, что для всего этого крайняго сѣвера, съ его закабаленнымъ и вымирающимъ инородческимъ населеніемъ, земельный вопросъ совсѣмъ не тотъ, что для полосы экстенсивнаго земледѣлія, или точнѣе: для крайняго сѣвера, въ сущности, вовсе не существуетъ земельного вопроса, а есть вопросъ, съ одной стороны — о мѣрахъ къ огражденію горемычнаго, совершенно неспособнаго постоять за свои права и интересы инородческаго населенія, съ другой — о наиболѣе выгодномъ, въ интересахъ страны, способахъ

эксплоатаціи естественныхъ богатствъ края. Ясно и то, что и въ переходной полосѣ земельный вопросъ будетъ ставиться и рѣшаться далеко не такъ, какъ въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія.

Остановимся однако нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о составѣ населенія разныхъ мѣстностей Сибири.

Изъ общаго количества населенія Сибири, исчисленнаго по первой всеобщей переписи въ 5.700.000 душъ, на долю русскаго населенія приходилось 4950 тыс., на долю инородцевъ—750 тыс. человекъ; первое, такимъ образомъ, въ итогѣ для всей Сибири составляло 87 0/0, вторые—всего около 13 0/0 населенія; за истекшія съ тѣхъ поръ 10 лѣтъ процентное распредѣленіе населенія, благодаря наплыву переселенцевъ, должно было, конечно, измѣниться въ благоприятную для русскаго населенія сторону. Если, затѣмъ, перейти къ погубернскимъ цифрамъ, то окажется, что въ Тобольской и Томской губерніяхъ русскіе составляютъ около 96 0/0, въ Енисейской 92 0/0, въ Иркутской 78 0/0, въ Забайкальской области 70 0/0; въ Якутской области, цѣликомъ лежащей, какъ мы видѣли, въѣ полосы экстенсивнаго земледѣлія, процентъ русскаго населенія падаетъ до 15 0/0, поднимаясь зато въ областяхъ Амурской и Приморской до 85 и 84 0/0. Еще неравномѣрнѣе распредѣленіе населенія по уѣздамъ большинства губерній и областей Сибири. Такъ, три южныхъ уѣзда Тобольской губерніи населены исключительно русскими; въ пяти ея среднихъ уѣздахъ примѣсь инородцевъ колеблется между 3 и 14 0/0; на крайнемъ сѣверѣ, напротивъ, инородцы составляютъ главную массу населенія, а процентъ русскихъ падаетъ: въ Березовскомъ уѣздѣ до 41, въ Сургутскомъ даже до 9 0/0 населенія. Такимъ образомъ въ Тобольской губерніи наблюдается правильное, въ направленіи съ юга на сѣверъ, возрастаніе процента инородческаго и убыль процента русскаго населенія. Въ Томской губерніи мы видимъ нѣсколько иное: наибольшее преобладаніе русскаго населенія замѣчается въ трехъ среднихъ уѣздахъ, Маринскомъ, Канинскомъ и Барнаульскомъ, гдѣ инородцы составляютъ всего отъ 0,6 до 3,6 0/0; бдльшая примѣсь инородцевъ сохранилась на болотистомъ сѣверѣ и на гористомъ югѣ губерніи: въ Бійскомъ уѣздѣ они составляютъ 6,8, въ Кузнецкомъ 17, въ Томскомъ 7,4 0/0, причеъ въ первыхъ двухъ уѣздахъ инородцы сосредоточиваются почти исключительно въ такъ называемомъ горномъ Алтайѣ, въ Томскомъ — въ чрезвычайно обширной (свыше 20 тыс. кв. верстъ), но крайне рѣдко населенной сѣверной части, носящей названіе Нарымскаго края. Приблизительно такой-же характеръ имѣетъ распредѣленіе населенія и въ Енисейской губерніи: на крайнемъ ея сѣверѣ, въ необъят-

номъ, но пустынномъ Туруханскомъ краѣ, инородцы составляютъ до четырехъ пятыхъ всего населенія; сравнительно великъ процентъ инородцевъ (17%) и на крайнемъ югѣ, въ Минусинскомъ уѣздѣ; въ сосѣднемъ съ нимъ Ачинскомъ инородцы составляютъ уже только 8%, въ остальныхъ трехъ уѣздахъ, составляющихъ среднюю полосу губерніи, инородческое населеніе совершенно или почти совершенно отсутствуетъ. Въ Иркутской губерніи инородческое населеніе сосредоточивается главнымъ образомъ въ южной и юго-восточной части, около китайской границы и въ бассейнѣ Ангары, причемъ однако ни въ одномъ уѣздѣ они не составляютъ большинства населенія: наивысшій процентъ инородцевъ (44%)—въ Балаганскомъ уѣздѣ; въ Верхоленскомъ и Иркутскомъ уѣздахъ они составляютъ 36 и 20%, въ Киренскомъ и Нижнеудинскомъ—уже только 7,1 и 2,4%. Въ Якутской области русскіе только въ Олекминскомъ уѣздѣ составляютъ 23%, въ Якутскомъ и Колымскомъ 12 и 16%; въ остальныхъ уѣздахъ области населеніе почти исключительно инородческое, а подмѣсь русскихъ не превышаетъ въ Верхоянскомъ уѣздѣ 4,8, въ Вилюйскомъ—всего 1,5%. Въ Забайкальѣ относительная численность русскихъ растетъ, инородцевъ—убываетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ: въ двухъ сѣверо-западныхъ, прибайкальскихъ уѣздахъ русскіе составляютъ всего 35 и 37% населенія, въ уѣздахъ средней части области отъ 46 до 66%, въ Акшинскомъ 80, а на крайнемъ юго-востоку, въ уѣздахъ Нерчинскомъ и Нерчинско-заводскомъ—свыше 99% населенія. Въ Амурской области коренное инородческое населеніе представлено лишь немногими тысячами бродячихъ инородцевъ, къ которымъ присоединяется нѣкоторое число пришлыхъ—корейцевъ и манджурь; русское населеніе размѣстилось узкою лентой вдоль теченія Амура, и только въ средней части области, въ районѣ нижняго теченія Зеи и Буреи, оно разселилось на сравнительно широкомъ пространствѣ. Что касается наконецъ Приморской области, то въ Уссурийскомъ и Южно-Уссурийскомъ округахъ инородческій элементъ представленъ исключительно пришлыми корейцами и китайцами, составляющими въ первомъ 26, во второмъ—36% населенія; въ двухъ среднихъ округахъ, Хабаровскомъ и Удскомъ, русскіе составляютъ уже только 59 и 47%, дальше же по направленію къ крайнему сѣверо-востоку русское населеніе постепенно исчезаетъ, составляя въ округахъ: Петропавловскомъ, Охотскомъ и Гижигинскомъ 31, 10 и 8%, и совершенно отсутствуя въ Анадырскомъ округѣ.

Мы не имѣемъ надобности останавливаться здѣсь на болѣе ранней исторіи русской колонизаціи Сибири. Достаточно отмѣтить, что въ концѣ XVIII и во всей первой половинѣ XIX вѣка наплывъ

переселенцевъ въ Сибирь былъ совершенно ничтоженъ: отдаленность края, при отсутствіи какихъ-либо сообщеній, кромѣ крайне первобытныхъ грунтовыхъ дорогъ, ставила переселенію въ Сибирь трудно преодолимая преграды, — а между тѣмъ южныя и юго-восточныя степи Европейской Россіи представляли собой, въ то время, достаточный пріемникъ для всего тогдашняго переселенческаго движенія. Нѣсколько оживляется переселеніе въ Сибирь, въ частности — переселеніе государственныхъ крестьянъ, только въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда знаменитымъ министромъ Николая I, графомъ П. Д. Киселевымъ, было организовано систематическое расселеніе малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ; въ одну только Тобольскую губернію въ 1852 и 1853 гг. переселилось 24.000, въ Томскую, въ одномъ только 1854 году — 18.000 душъ; въ Минусинскомъ уѣздѣ, изъ 299 насчитанныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ начала 90-хъ годовъ селеній, 62 были основаны „киселевскими“ переселенцами. Ослабѣвъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ, съ удаленіемъ отъ дѣлъ графа Киселева, наплывъ переселенцевъ въ Сибирь опять усиливается, хотя и не въ такой мѣрѣ, непосредственно послѣ крестьянской реформы; затѣмъ онъ, можно сказать, совершенно прекращается и возобновляется лишь съ начала 80-хъ годовъ: въ 1887 году число переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь, достигаетъ 25, въ 1890 году 50, въ 1891 и 1892 гг. — 87 и 92 тысячъ, всего же за девятилѣтіе 1885—1893 гг. въ Сибирь прошло до 260 тысячъ переселенцевъ. Апогея своего переселеніе въ Сибирь достигаетъ, однако, въ слѣдующее десятилѣтіе. Хотя въ это время значительная часть переселенческаго движенія отклоняется отъ коренной Сибири и направляется въ киргизскій край, тѣмъ не менѣе за пятилѣтіе 1894—1898 гг. въ коренную Сибирь прошло сухимъ путемъ до 370 тыс., въ слѣдующее пятилѣтіе — 409 т.; за все десятилѣтіе, значить, — 779 тыс. переселенцевъ (не считая ходяковъ), къ которымъ надо прибавить еще свыше 60 тыс., прошедшихъ моремъ въ Уссурийскій край. Въ слѣдующіе два года — 1904—1905, переселеніе рѣзко падаетъ, благодаря Японской войнѣ: за оба года за Уралъ прошло около 65 тыс., подавляющее большинство — не въ Сибирь, а въ Киргизскія степи. Въ 1906—1907 гг., напротивъ, оно вновь возрастаетъ до небывалыхъ ранѣе размѣровъ: въ 1906 г. до 175 тыс., въ 1907 г. *) до 370 тыс. Какая доля переселенія этихъ двухъ лѣтъ приходится на коренную Сибирь, по опубликованнымъ даннымъ пока сказать нельзя.

*) По 1 сентября; всѣ приведенныя цифры за время съ 1894 г. относятся лишь къ окончательному переселенію, безъ ходяческаго движенія.

Такимъ образомъ, русское населеніе Сибири состоитъ частью изъ крестьянъ-старожиловъ, живущихъ въ краѣ уже нѣсколько поколѣній и утратившихъ воспоминаніе о своей первоначальной родинѣ; частью изъ новоселовъ, прибывшихъ въ Сибирь 3, 5, 10, 20 лѣтъ тому назадъ, вообще живущихъ въ Сибири въ первомъ поколѣніи; новоселы и въ бытовомъ, и въ хозяйственномъ отношеніи существенно отличаются отъ старожиловъ, хотя—какъ мы увидимъ ниже—далеко не столь рѣзко, какъ принято обыкновенно думать. Середину между ними занимаютъ „староселы“—та часть Сибирскаго крестьянства, которая прожила въ Сибири три—четыре десятилѣтія и успѣла обжиться въ краѣ, но среди которой еще жива извѣстная часть лицъ, сохранившихъ непосредственное воспоминаніе о родинѣ; въ отношеніи языка или нарѣчія, одежды, домашней обстановки, староселы обыкновенно еще сохраняютъ тѣ характерныя особенности, которыя они принесли съ собою,—въ отношеніи размѣровъ и пріемовъ хозяйства они уже ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ старожиловъ.

Однако, и въ распредѣленіи русскаго населенія различныхъ частей Сибири по продолжительности проживанія въ краѣ замѣчается не менѣе разнообразія, нежели въ распредѣленіи по этнографическому составу. Мы имѣемъ на одной сторонѣ двѣ области дальняго востока—Амурскую и Приморскую, менѣе полувѣка присоединенныя къ Имперіи; русская колонизація первой началась въ 1857, второй—въ 1860 году; началась, въ той и другой, съ образованія линіи казачьихъ поселеній; значить, и въ той, и въ другой старожиловскаго элемента совершенно нѣтъ, и русское населеніе состоитъ исключительно изъ новоселовъ и староселовъ; въ то время, однако, какъ русское населеніе Приморской области, и въ частности главнаго ея колонизаціоннаго района, Уссурийскаго края, состоитъ почти сплошь изъ выходцевъ изъ Европейской Россіи, главнымъ образомъ изъ украинцевъ, въ Амурской области значительную долю населенія составляютъ выходцы изъ разныхъ губерній и областей Сибири.

Прямую противоположность Приамурскому краю представляютъ, въ данномъ отношеніи, непосредственно примыкающая къ ней Забайкальская область, а также Иркутская губернія и Якутская область, послѣдняя—поскольку въ ней вообще можно говорить о русскомъ населеніи. Русская колонизація ихъ завершилась, въ ея нынѣшнемъ видѣ, сравнительно давно. Въ Иркутской губерніи, а тѣмъ болѣе въ Якутской области, удобныя для крестьянскаго колонизаціи мѣстности, составляющія сравнительно ничтожную часть территоріи, заняты уже давно, разработка же тайги, если не абсолютно непо-

сильна, то во всякомъ случаѣ мало привлекательна для переселенцевъ. Земельные запасы Забайкальской области использованы, пока, еще довольно слабо: но русская колонизація области приостановилась вслѣдствіе запутанности земельныхъ отношеній, до урегулированія которыхъ правительство не располагаетъ въ Забайкальѣ сколько-нибудь существеннымъ колонизаціоннымъ фондомъ.

Несравненно болѣе пеструю картину представляютъ остальные три, западно-и частью средне-сибирскія губерніи. Въ Енисейской губерніи изъ 776 насчитанныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ 1890 г. русскихъ селеній 183 или 24⁰/₀—почти четверть, были основаны не болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до момента изслѣдованія; изъ нихъ 58—въ первыя четыре десятилѣтія XIX столѣтія, 92—въ 50-хъ гг., въ эпоху гр. Киселева; въ 60-хъ и 70-хъ годахъ возникло уже только 18, въ 80-хъ гг.—15 новыхъ поселеній. Такимъ образомъ, процессъ образованія новыхъ русскихъ селеній, происходившій въ Енисейской губерніи въ началѣ и въ особенности въ серединѣ столѣтія съ большою интенсивностью, начиная съ 60-хъ годовъ значительно затихъ; переселенцы продолжали, однако, приселяться къ старожильскимъ селеніямъ; всего за время съ 1865 по 1890 г. въ четырехъ охваченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ уѣздахъ водворилось до 14¹/₂ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 12 тыс. приходится на одинъ Минусинскій, и всего 2¹/₂ тыс. — на три другихъ, среднихъ уѣзда губерніи. Въ началѣ 90-хъ годовъ приливъ переселенцевъ въ губернію совершенно прекращается, а въ Минусинскомъ уѣздѣ замѣчается даже стремленіе къ выселенію. Однако, начатыя съ 1893 года систематическія рекогносцировки и работы по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ обнаружили въ Енисейской губерніи еще довольно значительные запасы земель, пригодныхъ для колонизаціи. Съ 1895 г., поэтому, наплывъ переселенцевъ въ губернію возобновляется, направляясь однако уже не въ Минусинскій уѣздъ, какъ прежде, а главнымъ образомъ въ Канскій и Ачинскій; за время съ 1894 по 1898 г. въ губерніи водворилось 49 тыс., въ слѣдующее пятилѣтіе — 89 тыс., всего за десятилѣтіе 1894—1903 гг.—138 тыс. переселенцевъ.

По Томской губерніи надо рассмотреть отдѣльно Алтайскій округъ и отдѣльно—три (или точнѣе два съ половиной) сѣверныхъ уѣзда, составляющихъ районъ государственныхъ или казенныхъ земель губерніи. Алтайскій округъ, въ частности его обширная сѣверо-западная, степная и полустепная часть,—это лучшая часть Сибири, по почвеннымъ условіямъ, по сравнительно мягкому климату и по преобладанію сплошь удобныхъ для культуры и легкихъ для разработки земель; при такихъ условіяхъ, переселенцы тѣмъ легче и

быстрѣ могли устраиваться здѣсь, что зажиточное старожилое населеніе предъявляло большой спросъ на рабочія руки, и трудъ переселенца-новосела, нуждавшагося въ заработкѣ, оплачивался какъ ни въ какой иной части Сибири. Съ другой стороны, Алтайскій округъ въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ былъ единственною областью предбайкальской Сибири, куда переселеніе было допущено закономъ: въ то время какъ пореформенное законодательство не знало и не хотѣло знать переселенія, въ томъ числѣ и переселенія во всѣ, кромѣ Алтайскаго округа и Приамурья, части Сибири, переселеніе на Алтай было допущено и поставлено въ сравнительно льготныя условія специальнымъ закономъ 1860 года, продиктованнымъ, очевидно, интересами кабинета, какъ владѣльца обширной, но пустынной территоріи округа. Въ результатъ Алтай во 2-ой половинѣ XIX вѣка сдѣлался и до сихъ поръ остался однимъ изъ излюбленныхъ переселенческихъ Эльдorado, главнымъ пріемникомъ переселенческаго движенія въ Сибирь. Какъ и вся вообще русская колонизація Сибири, заселеніе Алтайскаго округа пріостановилось-было въ началѣ XIX в., а можетъ быть и ранѣе того, такъ что населеніе округа, до сравнительно недавняго времени, состояло исключительно изъ старожиловъ. Наплывъ переселенцевъ не былъ значителенъ и первое время послѣ изданія разрѣшительнаго закона 1860 года,—за время до 1871 года въ округъ прибыло не болѣе 12.000 душъ. Затѣмъ однако переселеніе въ округъ быстро и безостановочно возрастаетъ: за пятилѣтія 1872—1876 и 1877—1881 гг. къ селеніямъ округа было причислено 4.300 и 9.700 душъ, а число неприсчисленныхъ новоселовъ къ 1883 году превысило 30.000. Затѣмъ, въ 1884—1889 гг. округъ ежегодно принималъ отъ 12 до 19 тысячъ, а всего за шестилѣтіе—96 тысячъ; съ 1890 по 1894 г.—ежегодно отъ 28 до 43 тысячъ, за пятилѣтіе—160 тысячъ; въ такомъ-же, приблизительно, темпѣ продолжалось переселеніе на Алтай до самаго послѣдняго времени—до Русско-Японской войны, пріостановившей, вообще, переселеніе въ Сибирь: за четырехлѣтіе 1895—1898 гг. въ округъ прошло 136 тыс., за пятилѣтіе 1899—1903 гг.—165 тыс. душъ обоого пола, и такимъ образомъ общее число переселенцевъ, водворившихся на Алтай со времени изданія разрѣшительнаго закона по 1903 г., превышаетъ 650 тыс. душъ, составляя около трети современнаго населенія округа и значительно болѣе половины всего количества переселенцевъ, водворившихся за тотъ-же періодъ во всей вообще Сибири.

Въ совершенно иномъ, въ общемъ гораздо болѣе слабомъ, темпѣ шло и до сихъ поръ идетъ переселеніе на казенныя земли Томской

губерніи: здѣсь въ 50-хъ годахъ, въ эпоху графа Киселева, происходило массовое водвореніе переселенцевъ; затѣмъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ,—въ началѣ 60-хъ годовъ, сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ. Со второй половины 60-хъ гг. переселеніе на казенныя земли Томской губерніи совершенно приостанавливается и возобновляется только въ началѣ 80-хъ годовъ: за время съ 1880 по 1887 г. во всемъ районѣ водворилось около 4 тыс., съ 1888 по 1893 годъ—уже 21.000 душъ; водвореніе происходило преимущественно въ Маріинскомъ уѣздѣ, принявшемъ за 14 лѣтъ до 16 тыс. переселенцевъ. Съ 1894 года водвореніе переселенцевъ въ рассматриваемомъ районѣ, какъ и въ Енисейской губерніи, значительно усиливается, и теперь, однако, далеко не достигая уровня движенія на Алтай: за десятилѣтіе 1894—1903 гг. на казенныя земли Томской губерніи переселилось 151.000 душъ, причемъ главная масса переселенцевъ этого періода направляется уже не въ Маріинскій, а въ Каинскій уѣздъ, гдѣ подъ заселеніе отведено сравнительно большое количество земель степного характера, наиболѣе привлекательныхъ для обычнаго типа переселенцевъ.

Наконецъ, въ Тобольской губерніи колонизація пяти сѣверныхъ уѣздовъ закончилась уже давно, и русское населеніе ихъ состоитъ исключительно изъ старожиловъ,—что и совершенно естественно, въ виду суровости климата и преобладанія лѣсныхъ пространствъ, трудныхъ для расчистки въ пашню; не лишена значенія, въ данномъ случаѣ, и отдаленность сѣвера Тобольской губерніи отъ главныхъ переселенческихъ путей. Во всѣхъ пяти южныхъ уѣздахъ въ 50-хъ гг. также происходило массовое водвореніе переселенцевъ; въ одномъ Ишимскомъ уѣздѣ въ это время возникло свыше 20 новыхъ селеній, и значительныя партіи новоселовъ приселились ко многимъ старожильскимъ селеніямъ. Довольно много новыхъ селеній образовалось въ южныхъ пяти уѣздахъ и въ 60-хъ годахъ. Съ тѣхъ поръ переселеніе въ два изъ нихъ—Курганскій и Ялуторовскій—совершенно прекратилось; оба они, въ цѣломъ, уже настолько густо населены, что колонизація ихъ можетъ считаться совершенно законченною. Въ теченіе тридцати лѣтъ въ сторонѣ отъ массоваго переселенія оставался и Ишимскій уѣздъ; напротивъ, въ двухъ юго-восточныхъ уѣздахъ, Тарскомъ и Тюкалинскомъ, наплывъ переселенцевъ, возобновившись съ начала 80-хъ годовъ, съ тѣхъ поръ непрерывно усиливался: въ первой половинѣ 80-хъ годовъ возникло 8 новыхъ селеній, съ 1886 по 1890 г.—28, въ слѣдующіе три года—41, и населеніе этихъ 77 поселковъ къ 1893 г. достигало 18 тыс. душъ. Начавшіяся въ 1893 г. систематическія землеотводныя работы вызвали, на нѣкоторое время, усиленный

наплывъ переселенцевъ и въ Тобольскую губернію, въ частности въ тѣ-же два уѣзда, Тарскій и Тюкалинскій, съ присоединеніемъ къ нимъ Ишимскаго: за пятилѣтіе 1894—1898 гг. въ Тобольскую губернію прошло почти 100 тыс. душъ. Но затѣмъ наплывъ переселенцевъ въ Тобольскую губернію столь же рѣзко сообразился: степныя, очень сильно притягивавшія переселенцевъ земли Тюкалинскаго и Ишимскаго уѣздовъ болѣе или менѣе сплошь заселены, таѣжныя земли Тарскаго уѣзда оказались мало привлекательными для переселенцевъ,—и въ конечномъ результатѣ наплывъ послѣднихъ въ Тобольскую губернію въ пятилѣтіе 1899—1903 гг. упалъ до 37.000 человекъ.

Столь разнообразное, въ различныхъ частяхъ Сибири, распределение населенія по этнографическому составу, а русскаго населенія—по времени водворенія и продолжительности проживанія въ странѣ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ характеру землевладѣнія и землепользованія. Если начать съ аборигеновъ края, инородцевъ, то въ основѣ ихъ землепользованія, слагавшагося, въ видѣ правила, еще до времени русскаго завоеванія, лежитъ, конечно, простой захватъ—занятіе и присвоеніе пусто-лежавшихъ земель. Но инородцы почти повсемѣстно предъявляютъ по отношенію къ занятымъ ими пространствамъ притязанія на право собственности; притязанія эти, весьма часто, распространяются на пространства, далеко превышающія дѣйствительныя потребности соответственныхъ группъ инородческаго населенія и въ болѣе или менѣе значительной части, иногда въ подавляющемъ большинствѣ, остающіяся либо вовсе безъ всякой эксплуатаціи, либо эксплуатируемыя инородцами путемъ сдачи въ аренду. Притязанія инородцевъ основываются на разнообразнѣйшихъ документахъ, данныхъ, частью, московскими царями, частью—первыми императорами, причемъ въ большинствѣ случаевъ документы эти либо совершенно утрачены, либо сохранились въ копіяхъ и выпискахъ, не имѣющихъ достовѣрно-документальнаго характера. По самому своему содержанію эти документы, въ подавляющемъ большинствѣ, не могутъ обосновать дѣйствительнаго права собственности—они обосновываютъ не болѣе, какъ право на оброчное пользованіе государственною землею, и потому правительство, опираясь на многочисленныя рѣшенія сената, совершенно, по моему убѣжденію, правильно не признаетъ за инородцами правъ собственности, а рассматриваетъ используемыя ими земли какъ земли государственныя, состоящія въ простомъ пользованіи инородцевъ; какъ таковыя, инородческія земли въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ подведены и подъ дѣйствіе законовъ о землеустройствѣ, на одинаковыхъ основаніяхъ

съ уже безспорно государственными землями, состоящими въ пользованіи старожиловъ-крестьянъ. Болѣе серьезный характеръ, если не по существу дѣла, то по формально-юридическимъ основаніямъ, имѣли лишь притязанія инородцевъ-бурятъ Забайкальской области; необходимость тщательнаго разбора этихъ притязаній и выясненія степени ихъ основательности была однимъ изъ главныхъ поводовъ для командированія въ Забайкалье особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. А. Н. Куломзина, по инициативѣ которой было произведено, между прочимъ, извѣстное сплошное статистическое излѣдованіе области; послѣ многихъ перипетій, вопросъ разрѣшился въ томъ смыслѣ, что за бурятами Агинскаго и Хоринскаго вѣдомствъ было признано право собственности на владѣнія ими земли, тогда какъ остальные забайкальскіе инородцы подведены подъ дѣйствіе общаго съ крестьянами области закона о землеустройствѣ, въ который введены лишь нѣкоторыя особыя правила, имѣвшія цѣлью открыть широкую возможность отвода инородцамъ-скотоводамъ болѣе обширныхъ надѣловъ, чѣмъ какіе отводятся крестьянскому, вообще земледѣльческому населенію. Однако, изданіемъ законовъ о поземельномъ устройствѣ въ четырехъ губерніяхъ и въ Забайкальѣ дѣло далеко не разрѣшилось: поземельно-устроительныя отряды, болѣе или менѣе повсемѣстно, встрѣтились съ пассивнымъ, но рѣшительнымъ сопротивленіемъ инородцевъ, и поземельное устройство послѣднихъ, повидимому, до сихъ поръ нигдѣ не получило фактическаго осуществленія.

Другая крупная группа населенія Сибири — переселенцы-новоселы, устраивалась двоякимъ способомъ: переселенцы либо водворялись, по пріемнымъ приговорамъ, въ старожильскихъ селеніяхъ и становились полноправными участниками въ ихъ землепользованіи, либо образовывали особые поселки, которымъ отводились отдѣльные земельные надѣлы, или которые устраивались на заранее заготовленныхъ переселенческихъ участкахъ; отводъ земли переселенческимъ поселкамъ производился по 15 десятинной нормѣ, которая до 1885 года исчислялась на ревизскія, съ этого времени — на наличныя мужскія души. До середины 80-хъ годовъ наплывъ переселенцевъ въ Сибирь былъ незначителенъ, а правительство не отводило особыхъ участковъ для ихъ водворенія; съ другой стороны, старожилы, имѣя въ своемъ распоряженіи значительно больше земли, чѣмъ могли фактически, использовать, и въ то же время нуждаясь въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, охотно и на самыхъ легкихъ условіяхъ принимали переселенцевъ, взимая за пріемный приговоръ не болѣе 2—3, рѣдко 5 рублей съ души, а часто довольствуясь не слишкомъ дорогимъ „угощеніемъ“, въ

видѣ четверти или полуведра вина. Переселенцы, поэтому, водворялись, болѣе или менѣе исключительно, въ селеніяхъ старожиловъ, и только въ Алтайскомъ округѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ шло и образованіе новыхъ поселковъ, которымъ кабинетскіе землемѣры отводили затѣмъ земельные надѣлы. По мѣрѣ усиленія наплыва переселенцевъ условія приѣма въ старожильскія общества становились все болѣе тяжелыми—вкупная плата стала измѣряться десятками, а иногда и сотнями рублей, а многія общества, начинавшія испытывать „утѣсненіе“, и вовсе прекратили приѣмъ переселенцевъ; десятки тысячъ послѣднихъ, въ особенности на Алтай, не могли добиться приѣма и жили въ старожильскихъ селеніяхъ, какъ совершенно безправный элементъ, подвергаясь всяческимъ притѣсненіямъ и являясь предметомъ самой беззастѣнливой эксплуатаціи. Когда, поэтому, было приступлено къ работамъ по наръзкѣ переселенческихъ участковъ, новоселы хлынули на эти участки, водвореніе переселенцевъ отдѣльными поселками стало обычнымъ порядкомъ вещей, а водвореніе ихъ, по приговорамъ, въ старожильскихъ селеніяхъ почти совершенно прекратилось. Съ 1898 года начались работы по поземельному устройству сибирскихъ старожиловъ, связанныя съ отрѣзкой излишнихъ сверхъ 15-десятинной нормы земель; старожилы многоземельныхъ обществъ опять стали, поэтому, охотно принимать переселенцевъ, совершенно основательно предпочитая подѣлиться съ ними землею, чѣмъ допустить ея отрѣзку при поземельномъ устройствѣ; а такъ какъ къ тому-же, примѣрно, времени въ коренной Сибири почти истощился запасъ хорошихъ и легко доступныхъ для разработки, въ частности не-таѣжныхъ участковъ, то приселеніе новоселовъ къ старожильскимъ селеніямъ опять возобновились и—за одинъ только 1907 годъ этимъ способомъ устроилось до 8¹/₂ тыс. семействъ—продолжается въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Въ основѣ землевладѣнія крестьянъ-старожиловъ, лежитъ или во всякомъ случаѣ лежало простое фактическое завладѣніе. Тѣ изъ предковъ нынѣшняго старожилаго населенія Сибири, которые шли въ Сибирь и расселялись по странѣ безъ вѣдома, а временами—и противъ желанія правительства, конечно не могли овладѣвать землею иначе, какъ путемъ простой заимки, оккупациіи. Когда переселеніе совершалось „по прибору“ или „по указу“, вообще по инициативѣ правительства, послѣднее, за отсутствіемъ какой-либо межевой организаціи, въ видѣ правила тоже не отводило переселявшимся земли, а предоставляло имъ пользоваться „гдѣ топоръ, соха и коса ходятъ“; и даже въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда переселявшимся на пашню крестьянамъ отводились опредѣленные участки земли, границы

этихъ отводовъ, при окружавшемъ безпредѣльномъ просторѣ, скоро приходили въ забвеніе, и пользованіе въ опредѣленныхъ границахъ смѣнялось, опять таки, простою оккупаціей, ограниченной единственно рабочею силою и средствами каждаго отдѣльнаго селенія или домохозяина.

Такимъ образомъ простой захватъ, заимка, оккупация, были первоначальнымъ основаніемъ землевладѣнія или, вѣрнѣе, землепользованія старожилого населенія Сибири, и до середины XIX столѣтія правительство не принимало никакихъ мѣръ къ его урегулированію. Съ этого времени начинаются работы такъ называемаго Сибирскаго межеванія, преслѣдовавшія одновременно и чисто топографическія, и землеустроительныя задачи: на обязанности межеванія лежала съемка, образованіе волостныхъ районовъ (работы, производившіяся и до учрежденія межеванія, но съ болѣе нежели сомнительными результатами, и потому оставшіяся безъ всякихъ практическихъ послѣдствій), отводъ надѣловъ наличному старожилому населенію, по расчету 15 дес. на ревизскую душу, съ прибавкой 3 дес. на приростъ населенія и 3-хъ дес. на приселеніе ссыльныхъ, и обращеніе остававшихся свободными, за такимъ надѣломъ, земель подъ заселеніе переселенцами; эта послѣдняя цѣль достигалась либо образованіемъ особыхъ переселенческихъ участковъ, либо, просто, приселеніемъ переселенцевъ, безъ приѣмнаго приговора, въ старожильскія селенія, иногда—и водвореніемъ ихъ, особыми поселками, внутри неразмежеванныхъ старожильскихъ дачъ. Непосредственною практическою цѣлью межеванія было именно земельное устройство переселенцевъ, и потому его работы охватили исключительно наиболѣе многоземельныя и вмѣстѣ съ тѣмъ—лучшія въ колонизаціонномъ отношеніи части Сибири; въ другихъ мѣстностяхъ работы землеустроительнаго характера поемногу велись мѣстными, губернскими межевыми учрежденіями, огромныя же пространства, именно весь неземледѣльческій сѣверъ и значительная часть переходной полосы, остались и вовсе внѣ сферы этихъ работъ. Съ 1887 года всѣ работы по отводу надѣловъ были пріостановлены, такъ какъ въ это время начались подготовительныя работы къ изданію закона объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ населенія четырехъ сибирскихъ губерній, и правительство полагало, что продолжать землеустроительныя работы на старыхъ основаніяхъ значило бы предвосхищать направленіе будущаго поземельнаго устройства, а нерѣдко дѣлать послѣднее, фактически, и вовсе невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, безцѣльнымъ. Подъ натискомъ практической жизненной необходимости Правительство, однако, не сумѣло или не могло послѣдовательно

провести этотъ, по существу вполне правильный, взглядъ: наплывъ переселенцевъ, усилившійся съ начала 80-хъ годовъ, требовалъ земли, землю эту было проще и цѣлесообразнѣе всего—собственно съ точки зрѣнія потребностей переселенческаго движенія!—взять въ тѣхъ же районахъ, гдѣ размѣстились старожильскія селенія; но для этого необходимо было такъ или иначе разобраться въ ихъ фактическомъ землепользованіи и отдѣлить послѣднее отъ земель единственнаго владѣнія казны. И вотъ, учрежденному въ 1885 году, собственно для отвода переселенческихъ участковъ, особому межевому отряду было предоставлено производить пѣчто вродѣ предварительнаго поземельнаго устройства: отводить старожильскимъ селеніямъ надѣльныя дачи, сначала по той-же ревизской нормѣ, съ начала 90-хъ годовъ—по расчету 15 дес. на наличную душу мужескаго пола, и обращать излишнія сверхъ нормы земли въ переселенческіе участки. И отрядъ, и затѣмъ учрежденныя, начиная съ 1893 года, также съ чисто переселенческими цѣлями, временныя партіи, дѣйствовали въ этомъ направленіи и послѣ имѣвшей мѣсто въ 1887 году пріостановки работъ собственно по отводу надѣловъ. Преслѣдуя—какъ я сказалъ—исключительно переселенческія цѣли, очень мало интересуясь устройствомъ старожилевъ, отрядъ и партіи, нерѣдко, мало церемонились съ послѣдними, и образованіе переселенческихъ участковъ сопровождалось, въ очень многихъ случаяхъ, не только совершенно законнымъ, на мой взглядъ, стѣсненіемъ привычнаго старожиламъ земельного простора, но и изъятіемъ изъ ихъ пользованія лучшихъ и необходимыхъ имъ угодій, вообще нарушеніемъ ихъ насущнѣйшихъ земельныхъ нуждъ и интересовъ.

Такъ или иначе,—но въ моментъ упомянутаго прекращенія работъ по отводу надѣловъ землевладѣніе сибирскаго крестьянства представляло чрезвычайно пеструю картину: многія мѣстности, —какъ упомянуто—оставались вовсе не затронутыми ни сибирскимъ межеваніемъ, ни работами мѣстныхъ межевыхъ учреждений, въ очень обширныхъ районахъ дѣло не пошло дальше простой съемки, иногда связной, иногда не связанной съ образованіемъ волостныхъ райононь; для другихъ были составлены, но не утверждены, проекты отвода надѣловъ; въ третьихъ надѣлы были и утверждены, но остались не отграниченными въ натурѣ; во многихъ мѣстностяхъ, наконецъ, было произведено и окончательное отграниченіе—слѣдовательно, завершился весь циклъ землеустроительныхъ дѣйствій, и землепользованіе населенія было введено въ соотвѣтствовавшія упомянутымъ нормамъ, сравнительно тѣсныя границы,—причемъ, надо еще добавить, въ однѣхъ волостныхъ дачахъ отводъ надѣловъ про-

изводился по отдѣльнымъ селеніямъ и, слѣдовательно, сопровождался раздѣломъ общихъ владѣній, въ другихъ такого раздѣла не производилось и надѣлы отводились на цѣлыя волости или вообще—на группы изъ нѣсколькихъ или многихъ селеній. Болѣе всего, въ частности, была обмежевана Тобольская губернія и въ особенности ея западные уѣзды, гдѣ надѣлы были отведены значительному большинству населенія. Въ Иркутской губерніи дѣло, по значительному числу волостей, также дошло до утвержденія надѣловъ, —но бѣлая часть межевыхъ документовъ сгорѣла въ 1879 году, при пожарѣ, уничтожившемъ Иркутскъ, такъ что и утвержденные проекты, за немногими исключеніями, остались безъ исполненія. Въ губерніяхъ Енисейской и Томской дѣло, опять-таки за немногими исключеніями, не пошло дальше съемки и формированія волостныхъ районовъ,—и такимъ образомъ изъ всѣхъ четырехъ губерній только въ одной Тобольской дѣятельность межевыхъ учреждений имѣла опредѣленные практическіе результаты и повела къ дѣйствительному, мѣстами весьма существенному стѣсненію землепользованія старожилаго населенія. Въ остальныхъ трехъ губерніяхъ, въ частности въ Томской и Енисейской, такое стѣсненіе тоже имѣло мѣсто, но значительно позднѣе и, въ общемъ, въ далеко меньшей степени, какъ результатъ упомянутыхъ выше работъ по образованію переселенческихъ участковъ.

Къ окончательному поземельному устройству старожилаго населенія Сибири приступлено лишь въ 1898 году, на основаніи закона 23 мая 1896 года и дополнительныхъ правилъ 4 іюня 1898 года, дѣйствіе которыхъ распространялось на три губерніи коренной Сибири въ полномъ составѣ и на районъ казенныхъ земель Томской губерніи; нѣсколько позднѣе, въ 1899 и 1901 годахъ, были изданы особые законы о поземельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ и въ Забайкальѣ; въ существенныхъ своихъ основахъ они построены на тѣхъ же принципахъ, какъ законъ 23 мая 1896 года и правила 4 іюня 1898 года, но отличаются отъ нихъ—особенно забайкальскій законъ—нѣкоторыми постановленіями, имѣвшими цѣлью придать поземельному устройству бѣольшую гибкость и въ частности—открыть болѣе широкую возможность отвода надѣловъ въ повышенномъ размѣрѣ, гдѣ это требуется условіями крестьянскаго и въ особенности инородческаго землепользованія и хозяйства. Въ основу поземельнаго устройства, по всѣмъ перечисленнымъ законамъ, положенъ принципъ сохраненія существующаго пользованія, комбинированный съ нормировкой по расчету 15 дес. удобной земли на наличную душу мужескаго пола. Гдѣ населенію были ранѣе отведены надѣлы, они остаются неприкосновенными, при недостаточности же ихъ допускается дорѣзка

до 15 дес. на наличную душу; гдѣ пользованіе носитъ чисто фактической характеръ, тамъ населеніе сохраняетъ важнѣйшія разработанныя и эксплуатируемыя имъ угодья—пашни, сѣнокосы и т. п., съ необходимыми для округленія некультурными землями; если фактическое землепользованіе, по расчету на душу, превышаетъ норму, населенію предоставляется на выборъ: либо отказаться отъ излишка, который въ такомъ случаѣ отмежевывается и поступаетъ въ распоряженіе казны, либо сохранить излишекъ въ своемъ надѣлѣ, но съ обязательствомъ допринять переселенцевъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ размѣрамъ оставляемаго населеніемъ за собой излишка; при недостаточности, по мѣстнымъ условіямъ, 15-десятинной нормы допускается включеніе въ надѣлъ всего излишка или его части безъ обязательства приселенія,—иначе сказать, допускается отводъ надѣловъ въ повышенномъ сверхъ нормы размѣрѣ, причемъ соотвѣтственныя постановленія—какъ упомянуто, и по существу, и въ формальномъ отношеніи, редактированы сравнительно узко въ общемъ сибирскомъ поземельноустроительномъ законѣ, значительно шире—въ алтайскомъ и въ особенности въ забайкальскомъ. Кромѣ земельныхъ надѣловъ населенію, при возможности, отводятся лѣсные, въ размѣрѣ до 3 дес. на наличную мужскую душу. Какъ эти послѣдніе, такъ и земельные надѣлы—въ этомъ принципиальное отличіе сибирскихъ законовъ о землеустройствѣ отъ положеній о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Европейской Россіи,—отводятся населенію не въ собственность, а въ постоянное пользованіе, съ обложеніемъ не подлежащею выкупу государственною оброчною податью; за государствомъ сохраняется при этомъ не только отвлеченное верховное право собственности на надѣльные земли, но и право распоряженія ихъ вѣдрами, по отношенію же къ лѣснымъ надѣламъ за нимъ остается надзоръ за пользованіемъ лѣсомъ, которое подчиняется правиламъ, долженствующимъ предотвратить его хищническое истребленіе. Что касается до имѣющей также немаловажное значеніе процессуальной стороны дѣла, то исполнителями послѣдняго являются особыя поземельно-устроительныя отряды министерства—нынѣ главнаго управленія земледѣлія; составляемые ими проекты отвода надѣловъ, предъявленные населенію и, по возможности, согласованные съ его указаніями и пожеланіями, утверждаются особыми поземельно-устроительными комиссіями изъ чиновъ отряда и другихъ уѣздныхъ чиновниковъ; жалобы на постановленія комиссій, а также возникшія въ средѣ послѣднихъ существенныя разногласія разрѣшаются губернскимъ присутствіемъ, и только въ кассационномъ порядкѣ, при нарушеніи закона по существу или уклоненіи отъ уста-

новленныхъ процессуальныхъ правилъ, можетъ послѣдовать вмѣшательство въ дѣло правительствующаго сената.

Какъ я упоминалъ работы по поземельному устройству начались въ 1898 году. Въ настоящее время, по отчетнымъ даннымъ на 1 января 1906 года, этими работами охвачено, изъ 29 уѣздовъ, принадлежащихъ къ району государственныхъ земель четырехъ губерній и Забайкальской области, 11 уѣздовъ, да сверхъ того поземельноустроительныя работы ведутся въ трехъ изъ пяти уѣздовъ, входящихъ въ составъ Алтайскаго округа. О положеніи работъ въ предѣлахъ этого послѣдняго я не располагаю цифровыми данными. Что касается до района государственныхъ или казенныхъ земель, то общая площадь окончательно запроектированныхъ, по завершеніи всего сложнаго цикла подготовительныхъ геодезическихъ операцій и дѣйствій поземельно-устроительнаго характера, земельныхъ надѣловъ достигала къ тому же 1-му января 1906 года 5.611.000 дес., въ томъ числѣ 4.542.000 дес. удобной и 1.069 тыс. дес. неудобной земли, къ которымъ надо присоединить 438 тыс. дес. лѣсныхъ надѣловъ; общее число селеній, для которыхъ были запроектированы надѣлы — 1.439, съ 352.600 наличными душами мужскаго пола, что приблизительно равносильно 700 тыс. душъ обоего пола или около 120.000 дворовъ. Изъ указаннаго общаго количества 402 земельныхъ надѣла, съ 2.016 т. десятинъ, и 225 лѣсныхъ, съ 134 тыс. десятинъ, не только утверждены, но и окончательно отграничены въ формально-межевомъ порядкѣ, 205 земельныхъ, общою площадью 831 тыс. дес., и 193 лѣсныхъ съ 101 тыс. дес. утверждены, но еще не ограничены, и 359 земельныхъ надѣловъ, общою площадью 1.569 тыс. дес., и 149 лѣсныхъ, съ 98 тыс. дес., хотя и проведены черезъ поземельно-устроительныя комиссіи, но по тѣмъ или другимъ поводамъ еще получили окончательнаго утвержденія.

Впрочемъ, положеніе поземельно-устроительнаго дѣла весьма различно по губерніямъ и тѣмъ болѣе по уѣздамъ—если даже оставить въ сторонѣ тѣ 18 уѣздовъ, въ которыхъ работы эти пока еще вовсе не начинались. Если остановиться на цифрахъ окончательно запроектированныхъ земельныхъ надѣловъ, то мы увидимъ, что ровно треть этихъ послѣднихъ приходится на Тобольскую губернію: здѣсь запроектировано 1838 тыс. дес., для 184 тыс. душъ мужскаго пола, — причемъ, напримѣръ, по Ишимскому уѣзду общая площадь запроектированныхъ надѣловъ достигаетъ 1.292 тыс. дес., или почти половины общей площади уѣзда. Въ Томской губерніи запроектировано 939 тыс. дес., на 50 тыс. душъ, въ Енисейской 1.275 тыс. дес., на 80 тыс. душъ. Результаты поземельно-устрои-

тельныхъ работъ по Иркутской губерніи и Забайкальской области совершенно ничтожны: въ первой запроектированы земельные надѣлы для 30 тыс. душъ, общемою площадью 400 тыс. дес., во второй 159 тыс. дес., на 7,5 тыс. душъ. До окончательнаго ограниченія дѣло въ Забайкальской области—опять таки къ указанному выше моменту—совершенно еще не доходило; по четыремъ губерніямъ было окончательно отграничено: въ Иркутской 163.000, въ Енисейской 594, въ Томской 247, и въ Тобольской 1.012 тыс. десятинъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, нѣтъ возможности привести сколько-нибудь полныхъ и точныхъ, притомъ соотвѣствующихъ современной дѣйствительности данныхъ о размѣрахъ землевладѣнія и о степени земельной обеспеченности крестьянскаго и инородческаго населенія Сибири. Болѣе или менѣе свѣжимъ матеріаломъ мы располагаемъ только по Забайкальской области, гдѣ мѣстное изслѣдованіе было произведено сравнительно недавно—въ 1897 году, гдѣ притомъ не производилось нарѣзки переселенческихъ участковъ, а сравнительно поздно начавшееся поземельное устройство не успѣло внести крупныхъ измѣненій въ землепользованіе населенія. Для четырехъ сибирскихъ губерній мы располагаемъ только цифрами, собранными въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ; между тѣмъ, съ этого времени крестьянское землевладѣніе во всѣхъ этихъ губерніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ трехъ изъ нихъ, значительно сократилось подъ вліяніемъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ, которыя—какъ видно изъ сказаннаго выше—велись, въ значительной мѣрѣ, за счетъ земель, ранѣе состоявшихъ въ пользованіи населенія; не мало измѣненій должны были внести и работы окончательнаго поземельнаго устройства, при чемъ въ многоземельныхъ районахъ эти измѣненія происходили въ направленіи сокращенія, въ малоземельныхъ—въ направленіи нѣкотораго расширенія пользованія населенія.

Точными данными о размѣрахъ землепользованія сибирскаго населенія мы—повторяю—не располагаемъ. Имѣющіяся цифры, при всей ихъ неточности и устарѣлости, даютъ, однако, достаточно ясное представленіе о той сторонѣ дѣла, которую мнѣ хотѣлось бы особенно подчеркнуть—о крайней пестротѣ размѣровъ земельного обезпеченія этого населенія. Сравнительно меньшую пестроту представляетъ, конечно, землепользованіе переселенцевъ-новоселовъ, водворенныхъ на отдѣльныхъ участкахъ: надѣленіе ихъ происходило—мы видѣли—по однообразной, 15-десятинной нормѣ, и разница въ размѣрахъ естественнаго прироста не могла, за сравнительно непродолжительный періодъ, вызвать слишкомъ рѣзкой количествен-

ной неравномѣрности. Изъ остальныхъ трехъ группъ бѣднѣе другихъ землею крестьяне, значительно лучше обеспечены землею казаки, самая богатая землею группа—конечно инородцы. Въ погубернскихъ и пообластныхъ цифрахъ, какими мы располагаемъ для двухъ средне-сибирскихъ губерній и Забайкалья, въ среднемъ на приписную душу приходится:

губерніи и разряды населенія.		Въ среднемъ по губерніи или области.	Поволостные среднія.	
			Высшая.	Низшая.
Удобныхъ десятинь.				
Забайкальская	крестьяне .	16,6	?	?
	казаки .	40,9	?	?
	инородцы .	57,4	94,1	9,3
Иркутская	крестьяне .	23,8	54,9	12,2
	инородцы .	37,7	128,3	10,8
Енисейская	крестьяне .	29,0	46,3	11,1
	инородцы .	40,0	?	?

Эти цифры свидѣтельствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о крайне рѣзко выраженной неравномѣрности земельного обезпеченія и каждой внутри изъ трехъ названныхъ группъ населенія Сибири. Еще яснѣе проявляется эта неравномѣрность въ поуѣздныхъ цифрахъ, относящихся собственно къ крестьянскому населенію, какими мы располагаемъ для всѣхъ четырехъ губерній и для Забайкальской области. Изъ этихъ цифръ оказывается, что средняя, въ поуѣздныхъ цифрахъ, земельная обезпеченность крестьянъ колеблется въ Тобольской губерніи между 13—16 (Курганскій, Тюменскій, Ялуторовскій уу.) и 35 десятинами (Тюкалинскій уѣздъ); въ Томской—между 30 (Томскій) и 51 десятиной (Каинскій уѣздъ); въ Енисейской—между 25 (Красноярскій) и 40 (Ачинскій уѣздъ); въ трехъ уѣздахъ Иркутской губерніи средняя земельная обезпеченность крестьянъ не превышаетъ 19—20 дес., въ четвертомъ (Нижеудинскомъ) поднимается до 38 дес.; менѣе рѣзки колебанія по Забайкальской области, гдѣ земельное обезпеченіе крестьянъ, притомъ, выражается въ наиболѣе низкихъ цифрахъ: по тремъ изъ четырехъ уѣздовъ съ крестьянскимъ населеніемъ—отъ 13,5 до 19 дес., по четвертому (Читинскому)—22 дес. на приписную душу. Еще гораздо рѣзче, въ особенности въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, колебанія поволостныхъ цифръ: если въ однихъ уѣздахъ максимумъ превышаетъ минимумъ всего вдвое или менѣе чѣмъ вдвое, (Курганскій—10 и 20 дес., Тюменскій—9 и 22, Красноярскій—17 и 28, Верхотленскій—17 и 27 дес. и т. д.), то въ другихъ максимумъ пре-

выпасть минимумъ въ пять (Ишимскій уѣздъ—15 и 74 дес., Ачинскій—11 и 61), десять (Канскій—11 и 88, Тобольскій—8 и 99) и даже пятнадцать (Тарскій—11 и 160, Туринскій—9 и 136 дес.) разъ.

Было бы очень интересно привести данныя о распредѣленіи крестьянскихъ земель по угодьямъ, — мы не можемъ, однако, сдѣлать этого, за отсутствіемъ соотвѣтственнаго фактическаго матеріала; тѣмъ менѣе мы имѣемъ возможности выяснитъ на цифрахъ вопросъ о качественномъ, такъ сказать, распредѣленіи земель, состоящихъ въ пользованіи населенія. Однако, и не располагая цифровыми данными, мы можемъ констатировать, что относительное богатство населенія культурными угодьями и непосредственно пригодными для разработки землями далеко не пропорціонально общимъ площадямъ землепользованія, выраженнымъ въ цифрахъ удобныхъ десятинъ; отнюдь не пропорціональны эти цифры и распредѣленію земель по качеству, въ частности—по почвеннымъ условіямъ. Мало того—сопоставленіе данныхъ объ общей площади удобныхъ земель со свѣдѣніями о степени обеспеченности населенія культурными угодьями позволяетъ установить, во многихъ случаяхъ, нѣчто въ родѣ обратной зависимости между этими величинами, а равно -- между количествомъ удобной земли и качествомъ угодій. Въ Тобольской губерніи такіе уѣзды, какъ Ялуторовскій, Курганскій, Ишимскій, стоящіе на послѣднихъ мѣстахъ по цифрамъ удобной земли, являются наиболѣе обеспеченными пашней и наилучшими по почвеннымъ условіямъ, и наоборотъ—Тобольскій уѣздъ или сѣверная часть Туринскаго, гдѣ населеніе располагаетъ гораздо болѣе большимъ количествомъ удобныхъ земель, занимаютъ послѣднія мѣста и по количеству пашни, и по ея достоинству; во многихъ уѣздахъ волости съ огромными общими цифрами удобной земли весьма слабо обеспечены культурными угодьями и занимаютъ послѣднія или близкія къ послѣднимъ мѣста по качеству послѣднихъ. И такая обратная зависимость вполне понятна: размѣщеніе населенія по территоріи Сибири, какъ и всякой другой страны съ преобладаніемъ земледѣлія, зависѣло главнымъ образомъ отъ степени пригодности отдѣльныхъ ея мѣстностей для земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства; населеніе гуще садилось тамъ, гдѣ находило сплошныя пространства земель, непосредственно пригодныхъ для распашки и сѣнокошенія, гдѣ находило при томъ хорошую почву и сравнительно благопріятныя климатическія условія—а потому въ такихъ мѣстностяхъ плотность населенія, функціей которой является общая, по расчету на душу, площадь удобной земли, естественно оазывается наибольшею. Напротивъ, тамъ, гдѣ

количество непосредственно-готовыхъ для распашки земель ничтожно, гдѣ почва плоха, климатическія условія неблагопріятны, а преобладаютъ малоудобныя для культуры земли, напримѣръ солонцеватыя степи или высокоствольные первобытные лѣса, населеніе садилось весьма рѣдко, и подушныя цифры удобной земли, стояція въ обратномъ отношеніи въ плотности населенія, весьма высоки.

Сказанное нисколько не мѣшаетъ намъ, однако, констатировать крайнюю неравномѣрность земельного обезпеченія какъ всего вообще, такъ и въ частности крестьянскаго населенія Сибири. И если имѣть въ виду, что хозяйство въ Сибири имѣетъ, въ общемъ и цѣломъ, очень экстенсивный характеръ, то эти цифры лишній разъ подтверждаютъ уже неоднократно высказывавшееся мною на предыдущихъ страницахъ положеніе—что въ Сибири не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо одномъ земельномъ или аграрномъ вопросѣ: вопросъ этотъ не только иначе ставится для крестьянъ-старожиловъ, для инородцевъ и для переселенцевъ, въ виду коренныхъ различій въ основаніяхъ ихъ землевладѣнія и землепользованія; онъ очень разнообразно ставится и внутри каждой изъ этихъ группъ, ибо въ каждой изъ нихъ, наряду съ весьма изобильно и даже избыточно обезпеченными землею элементами, есть не мало и такихъ, которые, при мѣстныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, приходится признать испытывающими рѣзкое малоземелье.

Обычный, средній типъ земельныхъ отношеній въ Сибири—это, однако, широкій просторъ, изобиліе земли,—и этотъ частью еще существующій, частью еще недавно отошедшій или отходящій въ область преданій, просторъ наложилъ свой отпечатокъ на хозяйство сидящаго на землѣ населенія Сибири. При томъ „чрезвычайномъ обиліи дарами природы,“ какое нашли ея первые насельники, хозяйство ихъ неизбѣжно должно было принять „хищнической, чуждый разумной предусмотрительности характеръ“; еще сравнительно недавно, „при полномъ земельномъ просторѣ и обиліи не расхищенныхъ еще естественныхъ богатствъ, такое хозяйство давало извѣстный матеріальный достатокъ, и не было нужды ни въ какихъ усовершенствованіяхъ и улучшеніяхъ“. Въ литературѣ вопроса нерѣдко высказывался взглядъ, что этотъ крайне экстенсивный, хищнической характеръ сибирскаго хозяйства—результатъ какихъ-то особыхъ, специфическихъ свойствъ старожилаго населенія Сибири; сибирскій крестьянинъ-старожилъ, будто бы,—по самой своей природѣ простой пѣнокоспиматель, умѣющій лишь расточать природныя богатства края, но совершенно неспособный ни къ упорному, интенсивному труду, характеризующему переселенца-выходца изъ Европейской Россіи, ни къ правильному хозяйственному расчету, ни къ хозяй-

ственному и въ частности—агрикультурному прогрессу; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ старожила-сибиряка рѣзко противоположаютъ переселенцу, въ которомъ видать носителя діаметрально-противуположныхъ началъ и на котораго, поэтому, возлагаютъ всѣ надежды, въ смыслъ культурнаго и хозяйственнаго подъема Сибири. Взглядъ этотъ, однако, не имѣетъ за себя фактическаго основанія. Если хозяйство въ Сибири носить экстенсивный, даже хищническій характеръ, то это — результатъ не какихъ-то специфическихъ свойствъ сибирскаго крестьянина-старожила, а всей совокупности условій, въ которыя было поставлено, а частью и до сихъ поръ поставлено, сибирское крестьянское хозяйство, и въ частности—многоземелья, широкаго простора: „при полномъ земельномъ просторѣ и обиліи естественныхъ богатствъ“, дѣйствительно, „не было нужды ни въ какихъ усовершенствованіяхъ и улучшеніяхъ“; имѣвшіяся въ изобиліи естественныя богатства и производительныя силы земли не цѣнились никѣмъ и, именно въ силу своего изобилія, расточались „безъ разумной предусмотрительности“, въ расчетѣ на наличность еще непочатыхъ производительныхъ силъ и естественныхъ богатствъ. И такая обстановка, какъ она опредѣлила основной характеръ хозяйства сибирскихъ старожиловъ, такъ опредѣляетъ и характеръ хозяйства водворяющихся въ Сибири переселенцевъ-новоселовъ. Среди послѣднихъ, несомнѣнно, есть отдѣльные элементы, хозяйство которыхъ представляетъ существенныя, по сравненію съ обычнымъ сибирскимъ хозяйствомъ, особенности,—таковы, напримѣръ, эстонцы, латыши, витебскіе бѣлоруссы, нѣкоторые вятскіе переселенцы и т. д. Но массовый, заурядный переселенецъ, хотя вначалѣ презрительно отзываясь о хозяйствѣ „сибиряка“ и мечтаетъ завести свои, „россійскіе“ порядки, въ концѣ концовъ оказывается такимъ-же хищникомъ: онъ такъ-же, если не болѣе, безразсудно губить лѣса, онъ всецѣло усваиваетъ сибирскіе приемы земледѣлія и только въ мелочахъ, иногда, остается вѣренъ старымъ „россійскимъ“ привычкамъ. И это понятно: заурядный переселенецъ въ культурномъ отношеніи не выше сибирскаго старожила и далеко уступаетъ ему въ отношеніи знакомства съ мѣстными условіями; „россійскіе“ приемы, по большей части, не соотвѣтствуютъ сибирской почвѣ, климату и экономическимъ условіямъ; при своемъ низкомъ культурномъ развитіи, при полномъ при томъ отсутствіи государственной или общественной агрономической организаціи, переселенецъ не можетъ самостоятельно выработать болѣе раціональныхъ приемовъ, а потому онъ вынужденъ перенимать хозяйственныя приемы старожиловъ, основанныя на вѣковомъ опытѣ и худо-ли, хорошо-ли согласованные

съ мѣстными естественными условіями и если не съ современными условіями аграрнаго и экономическаго характера, то во всякомъ случаѣ—съ условіями недавняго прошлаго. А разъ это такъ, то заурядный переселенецъ не только не имѣетъ преимуществъ передъ старожиломъ-сибирякомъ, — наоборотъ, онъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ этому послѣднему: перенимая отъ него, въ существенныхъ чертахъ, его хозяйственные приемы, онъ не можетъ сразу перенять того близкаго знакомства съ мѣстными условіями, которое пріобрѣтается если не вѣками, то во всякомъ случаѣ десятилѣтіями непосредственнаго опыта; онъ не располагаетъ и вѣками выработанною его привычкою бороться съ суровою природою и съ тѣми препятствіями, которыя послѣдняя ставитъ сельскому хозяйству,—въ видѣ правила онъ располагаетъ, наконецъ, и меньшими матеріальными средствами, которыя, конечно, тоже являются однимъ изъ существенныхъ условій успѣшнаго веденія хозяйства.

Итакъ, экстенсивное, даже хищническое хозяйство, какое ведется въ Сибири и старожилами, и инородцами, и переселенцами-новоселами, является если не необходимымъ, то естественнымъ слѣдствіемъ того земельного простора, на которомъ воспитывалось сибирское населеніе. Въ значительной части Сибири, однако, „позднѣйшія поколѣнія унаслѣдовали систему хозяйничанья своихъ предковъ, но не унаслѣдовали уже прежняго земельного простора, сократившагося съ увеличеніемъ населенія“... 15-десятинный, на наличную мужскую душу, надѣлъ, а тѣмъ болѣе 10, 8 или 6 десятинъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ частяхъ Тобольской и Иркутской губерній и Забайкалья,—это уже ощутительное „утѣсненіе“; это даже очень острое малоземелье по сравненію съ тѣмъ, дѣйствительно, безпредѣльнымъ просторомъ, при которомъ складывалось типичное сибирское земледѣльческо-скотоводческое хозяйство и при которомъ оно являлось рациональнымъ. Если, въ частности, остановиться на земледѣліи, то типичною для Сибири, или точнѣе—для полосы экстенсивнаго земледѣлія, формою хозяйства является залежное хозяйство въ такъ называемой залежно-паровой разновидности: на поднятой цѣлинѣ посѣвы чередуются съ паромъ, а послѣ ряда посѣвовъ пашня на нѣсколько времени запускается въ залежь, послѣ чего вновь распахивается и засѣвается хлѣбами, въ перемежку съ паромъ. При широкомъ земельномъ просторѣ система эта даетъ вполне благопріятные результаты: пока общее количество пригодной для распашки земли во много разъ превышаетъ то, что населенію посильно распахать, пашни не доводятся до замѣтнаго истощенія, — ихъ бросаютъ послѣ очень небольшого числа посѣвовъ, забрасываютъ при томъ на очень продолжительное

время, такъ что почва успѣваетъ вполнѣ возстановить свои производительныя силы; по мѣрѣ сокращенія простора, разъ поднятая пашня засѣвается въ теченіе все болѣе и болѣе продолжительнаго времени, значить доводится до все болѣе полного истощенія, а періоды отдыха становятся все короче и короче, слѣдовательно истощенная многочисленными посѣвами пашня получаетъ все меньше возможности возстановить, путемъ отдыха, свои производительныя силы. Въ концѣ концовъ, постепенное удлинненіе періодовъ обработки и сокращеніе періодовъ отдыха приводитъ къ тому, что залежно-паровая система переходитъ въ беззалежное паровое хозяйство.

Правда, по мѣрѣ уменьшенія значенія залежи возрастаетъ значеніе пара: чѣмъ дольше становятся періоды обработки и чѣмъ короче залежь, тѣмъ чаще земля оставляется подъ парь, и съ совершеннымъ исчезновеніемъ залежей, чаще всего, устанавливается двухпольное чередованіе: за каждымъ, озимымъ или яровымъ, посѣвомъ обязательно слѣдуетъ годъ пара. Но такъ какъ парь, самъ по себѣ, не можетъ предотвратить дальнѣйшаго истощенія почвы и пониженія ея урожайности, то параллельно съ этимъ появляются попытки навознаго удобренія, которыя, постепенно учащаясь, входятъ въ общее употребленіе и постепенно приводятъ, такъ сказать, къ обратной перестройкѣ сѣвооборотовъ: послѣдніе, постепенно, возвращаются къ трехпольному типу, и переходный процессъ увѣнчивается установленіемъ обязательнаго трехполя, съ распредѣленіемъ общественныхъ полей на смѣны и толокою пароваго поля. Такой переходъ къ трехполю съ навознымъ удобреніемъ пока имѣлъ мѣсто, однако, лишь за предѣлами той области, которой мы присвоили названіе полосы экстенсивнаго земледѣлія, въ непосредственно-прилегающей къ ней съ сѣвера неширокой переходной полосѣ, во многихъ мѣстностяхъ которой навозное трехполье, какъ уже упоминалось выше, даетъ прекрасные результаты, обезпечивая населенію высокіе и главное — постоянные урожан. Въ предѣлахъ полосы экстенсивнаго земледѣлія уваживаніе не пошло дальше отдѣльныхъ, и то далеко не повсемѣстныхъ, попытокъ, — такъ что типичными для этой полосы являются гдѣ — еще вполнѣ цвѣтущее, гдѣ — вымирающее залежно-паровое хозяйство, гдѣ — явившееся къ нему на смѣну беззалежное двухполье. О продолжающемся или по крайней мѣрѣ еще недавно продолжавшемся процвѣтаніи залежно-пароваго хозяйства можно говорить, напримѣръ, въ Енисейской губерніи: по даннымъ, сведеннымъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ начала 90-хъ годовъ, средняя урожайность за три послѣдовательныхъ десятилѣтія, обнимающихъ, въ

сложности, періодъ съ 1860 по 1890 г., выражалась для озимой ржи въ самъ 6,2, 6,0 и 5,8, для яровыхъ—самъ 4,4, 4,1 и 3,8. Общее пониженіе урожайности, такимъ образомъ, наблюдается и здѣсь,—но пониженіе это, пока, идетъ, или точнѣе — до времени изслѣдованія шло, чрезвычайно медленнымъ темпомъ и не могло оказать существеннаго, реального вліянія на хозяйственное положеніе населенія; въ лучшемъ же уѣздѣ губерніи, Минусинскомъ, и вовсе не обнаружилось никакого пониженія; напротивъ—средніе урожаи за 80 годы были даже нѣсколько выше, чѣмъ за предшествовавшее десятилѣтіе. Ясно, значить, что существовавшій въ Енисейской губерніи земельный просторъ допускалъ еще веденіе залежнаго хозяйства безъ замѣтнаго, по Минусинскому уѣзду — и безъ всякаго общаго пониженія урожайности. Для западно-сибирскихъ губерній мы не располагаемъ аналогичнымъ цифровымъ матеріаломъ; но описательныя данныя позволяютъ заключить, что и въ Томской губерніи, въ особенности же въ Тобольской, общее пониженіе урожайности обозначается гораздо болѣе рѣзко, свидѣтельствуя о несомнѣнно уже надвинувшемся кризисѣ залежнаго хозяйства. На ряду съ непосредственнымъ истощеніемъ почвы, серьезное вліяніе оказываетъ въ данномъ случаѣ обезлѣсеніе края, въ частности—истребленіе лѣсовъ въ той лѣсисто-степной полосѣ, гдѣ сосредоточивается главная масса населенія западной Сибири: послѣдствіемъ его являются все учащающіяся засухи, сопровождаемыя, нерѣдко, нашествіями кобылки, и въ результатъ — все болѣе частые плохіе урожаи или полные неурожаи. Арифметически-средняя урожайность, въ большей части западной Сибири, и теперь не падаетъ ниже 70, 60, мало гдѣ 50 пудовъ съ казенной десятины,—цифры, которыя могутъ показаться вполне удовлетворительными, а по сравненію съ черноземною полосой Европейской Россіи даже и блестящими. Но бѣда въ томъ, что эти цифры имѣютъ, именно, лишь арифметическое значеніе,— что удовлетворительные и хорошіе урожаи, благотворное вліяніе которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, въ значительной мѣрѣ парализуется условіями сбыта продуктовъ, слишкомъ часто смѣняются плохими урожаями и полными неурожаями, пагубное вліяніе которыхъ до послѣдней степени обостряется тѣми-же условіями хлѣбнаго рынка, слишкомъ легко превращающими неурожайный годъ въ голодный. Болѣе или менѣе полные неурожаи, сопровождаемые голодовками, имѣли мѣсто въ западно-сибирской степи въ 1870, 1883, 1891—1892, 1898, 1901—2 годахъ, а болѣе или менѣе плохіе урожаи, нерѣдко, слѣдуютъ одинъ за другимъ по три и по четыре года подрядъ; за послѣднюю четверть вѣка

гри, четыре, а то и пять лѣтъ изъ каждаго десятилѣтія приходится на долю плохихъ урожаевъ и полныхъ неурожаевъ.

Я упомянулъ, только что, объ условіяхъ сбыта продуктовъ сибирскаго крестьянскаго хозяйства. Условія эти, предопредѣляясь характеромъ путей сообщенія страны, очень своеобразны и, въ общемъ, неблагоприятны. До самаго послѣдняго времени все перевозки изъ Сибири и въ предѣлахъ послѣдней совершались по гужевымъ дорогамъ; только западная Сибирь, въ частности—хлѣбородные районы Томской губерніи, тяготящіе къ Оби и къ ея судоходнымъ притокамъ, были связаны съ Европейскою Россіею, черезъ Тюмень, пароходнымъ сообщеніемъ и желѣзною дорогой, а потому хлѣбъ изъ этихъ мѣстностей имѣлъ довольно значительный сбытъ въ районѣ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Помимо разныхъ неудобствъ, вытекавшихъ изъ полной необорудованности этого воднаго пути и имѣвшихъ слѣдствіемъ постоянныя залежи и порчу хлѣба, — этотъ путь оказывалъ, такимъ образомъ, вліяніе лишь на сравнительно небольшую часть земледѣльческой полосы Сибири. По гужевымъ дорогамъ вывозъ хлѣба за предѣлы послѣдней былъ, конечно, невозможенъ, а потому сбытъ хлѣба, имѣлъ въ общемъ, исключительно мѣстный характеръ; мѣстный, при томъ, не только для всей вообще Сибири, но и для каждаго отдѣльнаго ея района: при исключительно гужевомъ транспортѣ, такой дешевый продуктъ, какъ хлѣбъ, не могъ выдержать перевозки изъ одной губерніи въ другую, а перѣдко и изъ одного уѣзда въ другой, сосѣдній; слѣдовательно, долженъ былъ продаваться, во что бы то ни стало, на мѣстѣ, — на мѣстѣ же его нужно было и пріобрѣтать, въ случаѣ недостатка въ немъ. При хорошемъ урожаѣ хлѣбные излишки загромождали мѣстный рынокъ и должны были продаваться за безцѣнокъ; наоборотъ, при неурожаѣ населенію пострадавшихъ районовъ неоткуда было взять хлѣба, и именно поэтому всякій неурожай такъ легко переходилъ въ голодовку, а цѣны, при неурожаѣ, поднимались до совершенно ненормальныхъ размѣровъ. Съ особенною рѣзкостью изложенныя условія проявлялись въ западно-сибирской степи, гдѣ сравнительная густота земледѣльческаго населенія обусловливала, при хорошихъ урожаяхъ, особенно значительные хлѣбные избытки, а климатическія условія имѣли слѣдствіемъ особенно частые неурожай: при средней цѣпѣ на рожь, примѣрно, въ 20-25 коп., пшеницы — въ 30-40 копѣекъ за пудъ, цѣна ржи, при хорошихъ урожаяхъ, перѣдко падала до 10, 8, даже 6 коп., цѣна пшеницы — до 15-20, иногда и до 12 коп., въ неурожайные же годы цѣна пуда ржи поднималась до полуторыхъ, двухъ рублей и выше. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ выше были среднія цѣны

на хлѣбъ и тѣмъ менѣе рѣзко проявлялись ихъ колебанія: уже въ сѣверо-восточной части Томской губерніи средняя цѣна ржи въ мукѣ за двадцатилѣтній періодъ опредѣлилась, по моимъ подсчетамъ, въ 48 к., пшеницы — въ 76 к.; въ Иркутской губерніи средняя цѣна первой достигала 1 р. 20 к., второй — даже 1 р. 90 к. за пудъ; колебанія цѣнъ на Томскомъ рынкѣ не выходили изъ предѣловъ: 23 к. и 1 р. 45 к. для ржи, и 30 к. и 1 р. 80 к. для пшеницы. Съ одной стороны, сравнительная рѣдкость населенія исключала возможность скопленія, въ урожайные года, слишкомъ значительныхъ избытковъ хлѣба, съ другой — гораздо менѣе рѣзки были колебанія урожаявъ, благодаря менѣе засушливому климату и меньшей истощенности почвы. Но главная причина этого различія между западною и среднею Сибирью, несомнѣнно, заключалась въ характерѣ мѣстнаго спроса на хлѣбъ и на другіе продукты. Въ западной Сибири хлѣбные избытки находили себѣ сбытъ, можно сказать, исключительно въ немногочисленные города и на винокуренные заводы; въ хорошіе урожаи исходившій отсюда спросъ далеко не соответствовалъ предложенію избыточнаго хлѣба и потому не могъ предотвратить его обезцѣнсенія; а между тѣмъ хлѣбъ, разъ ушедшій въ городъ или на винокуренный заводъ, уже не возвращался въ деревню при неурожаѣ, за которымъ поэтому и слѣдовало рѣзкое, во много разъ, повышение цѣнъ. Для средней Сибири — какъ я только что упоминалъ — вопросъ о снабженіи хлѣбомъ при неурожаяхъ имѣлъ менѣе острое значеніе, — вопросъ же о сбытѣ для излишковъ хлѣба разрѣшался въ гораздо болѣе благоприятномъ смыслѣ: такой сбытъ обезпечивался извознымъ промысломъ и золотопромышленностью. Въ западной Сибири извозный промыселъ уже давно въ полномъ упадкѣ, благодаря конкуренціи пароходства, и даже во времена его наибольшаго процвѣтанія спросъ хлѣба и другихъ продуктовъ на сибирскій трактъ и другіе, второстепенные пути обознаго движенія былъ невеликъ по сравненію съ размѣрами продажныхъ излишковъ при хорошихъ урожаяхъ. Въ средней Сибири упадокъ извоза обнаружился, прежде всего, значительно позже — только съ открытіемъ движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ. А затѣмъ, Сибирскій трактъ, на огромномъ протяженіи пересѣкавшій пустынные или очень слабо населенныя мѣстности, оказывалъ на условія рынка для продуктовъ сельскаго хозяйства несравненно болѣе сильное вліяніе: онъ отвлекалъ отъ земледѣлія довольно замѣтную часть населенія, значить способствовалъ сокращенію предложенія продуктовъ, и въ то-же время предъявлялъ очень большой спросъ на нихъ, по сравненію съ сравнительно небольшими, имѣвшимися налицо, продажными избытками. Золотопромышленность, съ

точки зрѣнія сбыта продуктовъ, для западно-сибирской степи не имѣла никакого непосредственнаго значенія. Напротивъ, для средней Сибири пріисковые районы Алтая, южной и сѣверной Енисейской тайги, Олекминской и Витимской системъ имѣли огромное значеніе: они предъявляли огромный спросъ не только на хлѣбъ, но и на сѣно, на животныя продукты и т. п., и этотъ спросъ поддерживалъ высокія, весьма выгодныя для земледѣльческаго населенія цѣны. Всѣ эти условія рѣзко измѣнились подѣ влияніемъ, съ одной стороны, открытія движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ, а съ другой—рѣзко обнаружившагося упадка золотопромышленности; измѣнились, притомъ, въ благопріятную для западно-сибирской степи и въ частности для Тобольской губерніи, и въ неблагопріятную для средней Сибири сторону. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ выразились эти измѣненія, но для полноты и ясности общей картины намъ удобнѣе разсмотримъ ихъ въ связи съ другими, намѣченными выше, сторонами переживаемаго разными частями Сибири кризиса, которыя мы теперь и должны кратко резюмировать.

Итакъ: Тобольская губернія, въ частности — ея южные уѣзды, принадлежащія къ району экстенсивнаго земледѣлія, заселена гуще, чѣмъ какая-либо иная часть этого района, при чемъ колонизація ея можетъ считаться въ настоящее время совершенно законченною, для группы же юго-западныхъ уѣздовъ она закончилась сравнительно давно. Населеніе Тобольской губерніи давно забыло о прежнемъ безграничномъ просторѣ: лѣса изъяты изъ его свободнаго распоряженія и взяты въ завѣдываніе казны; межеванія, слѣдовавшія одно за другимъ, начиная съ конца 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ работы по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ, ввели землевладѣніе населенія въ настолько тѣсныя границы, что начавшееся съ 1898 года поземельное устройство, въ видѣ правила, не грозитъ населенію дальнѣйшимъ сокращеніемъ землепользованія, а напротивъ — извѣстной части его обѣщаетъ восполненіе недостатка въ надѣльной землѣ. Почти по всему юго-западу губерніи крестьяне сохранили всего по 15 или 18 дес. на ревизскую душу, что, по расчету на наличное населеніе, составляетъ по 7, 8, а мѣстами и по 6 десятинъ на душу, или по 20-25 десятинъ на семью средняго состава. При такомъ положеніи вещей, кризисъ залежно-пароваго хозяйства въ Тобольской губерніи — въ полномъ разгарѣ, съ его необходимыми спутниками — рѣзкимъ общимъ пониженіемъ урожайности и все учащающимися неурожаями. Сгустившееся и введенное въ сравнительно тѣсныя границы населеніе испытываетъ, въ то-же время, недостатокъ въ пастбищахъ и особенно въ сѣнокосахъ, и передъ нимъ стоитъ ясная и грозная

альтернатива: либо обратиться къ искусственному производству кормовыхъ средствъ, либо итти на встрѣчу уже обозначившемуся, мѣстами, упадку скотоводства. Нуждаясь въ топливъ и строительномъ матеріалѣ, испытывая въ то же время недостатокъ въ распашной землѣ, населеніе обезлѣсило свои надѣльные земли, и это обезлѣсеніе порождаетъ, съ одной стороны, усиленный недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ, а съ другой—влечетъ за собой образование сыпучихъ песковъ, ухудшеніе и безъ того засушливаго климата, усиленіе опустошеній, причиняемыхъ кобылкой и т. п. Вообще, крестьянское хозяйство въ западно-сибирской степи и въ частности въ Тобольской губерніи „переживаетъ критическій моментъ, и предусмотрительность требуетъ, чтобы на него какъ можно скорѣе обратили вниманіе; каждый лишній годъ такого хозяйничанья, какъ сейчасъ, несетъ въ будущемъ неисчислимыя бѣды, борьба съ которыми потомъ потребуетъ не только много времени, но и много средствъ, для самого же населенія борьба эта никогда не будетъ подь силу“. И само собою ясно, въ какомъ направленіи должна вестись борьба съ такого рода кризисомъ: конечная ея задача — повысить интенсивность земледѣлія и скотоводства, освободить хозяйство отъ рабскаго подчиненія природѣ и вывести его результаты изъ сферы полной случайности, поднять общую производительность земли, залечить тѣ раны, которыя нанесло природѣ неразумное отношеніе къ ней человѣка: позаботиться о возстановленіи лѣсовъ, остановить надвигающіеся сыпучіе пески и т. п.

Въ томъ-же направленіи интенсификаціи, вообще технической реорганизаціи хозяйства толкають Тобольскую губернію и экономическія послѣдствія проведенія Сибирской желѣзной дороги. Тобольская губернія и прилегающая къ ней юго-западная часть Томской—единственныя мѣстности Сибири, которыя успѣли сравнительно широко воспользоваться Сибирскою магистралію въ дѣляхъ экспорта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ частности, первостепенно-важнымъ послѣдствіемъ открытія движенія по желѣзной дорогѣ было развитіе производства и экспорта сибирскаго сливочнаго масла: въ 1894 году были вывезены первые 400 тыс. пудовъ, въ 1901 году экспортъ масла достигъ 2400 тыс., въ слѣдующіе же три года онъ колебался между 2600 и 2850 тыс. пудовъ, сдѣлавшись такимъ образомъ не только первостепенно-важнымъ факторомъ въ экономикѣ западно-сибирскаго крестьянскаго хозяйства, но и существеннымъ элементомъ русскаго торговаго баланса. Развитіе маслодѣлія значительно повысило доходность крестьянскаго скотоводства и сдѣлало выгоднымъ заботиться и объ увеличеніи количества рогатаго скота, и въ особенности—о качественномъ его улучшеніи. Но то и дру-

гое встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ недостаткѣ кормовыхъ средствъ, — приходится „стремиться къ заведенію травосѣянія, сортированію сѣмянъ, уваживацію полей и улучшенію ихъ обработки“; иначе сказать, интересы столь возросшаго въ своемъ значеніи скотоводства съ такою-же настоятельностью требуютъ кореннаго измѣненія установившейся въ краѣ системы хозяйства, какъ и непосредственные интересы земледѣлія, въ частности — какъ необходимость обезпечить населенію болѣе высокіе и болѣе постоянные урожан хлѣбовъ. И эта необходимость — отнюдь не исключительно теоретическая: въ Курганскомъ, вообще въ юго-западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи уже наблюдается явственнае стремленіе къ улучшенію луговъ и къ введенію полевого травосѣянія.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ средней Сибири — въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, въ большей части Томской, по видимому и въ Забайкальской области. Здѣсь населеніе, въ общемъ, гораздо болѣе рѣдко, и — что главное — лишь сравнительно недавно дала себя почувствовать землеустроительная и лѣсоустроительная дѣятельность правительства. Гораздо позже, чѣмъ въ западно-сибирскую степь, нахлынула сюда широкая переселенческая волна; значитъ, позже началась систематическая нарѣзка переселенческихъ участковъ изъ земель, такъ или иначе использовавшихся старожилымъ населеніемъ. Только съ 1895 года началось образованіе лѣсныхъ заказниковъ, которое сразу поведено было очень быстрымъ темпомъ и въ немного лѣтъ сильно стѣснило населеніе въ пользованіи лѣсомъ, а частью — и земельными угодьями. Въ общемъ, однако, населеніе и по сейчасъ пользуется еще сравнительно широкимъ просторомъ, и поземельное устройство будетъ связано для него, опять-таки въ общемъ, съ чувствительнымъ сокращеніемъ этого простора. Словомъ, то „утѣсненіе“, которое уже болѣе или менѣе давно дало себя почувствовать въ западно-сибирской степи и въ частности въ Тобольской губерніи, въ средней Сибири частью еще только надвигается, частью надвинулось въ самыя, можно сказать, послѣдніе дни, и потому еще не успѣло ощутительно отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ: оно не успѣло еще — мы видѣли — вызвать ни рѣзкаго истощенія полей, ни ощутительнаго пониженія лѣсности страны, не успѣло, слѣдовательно, вызвать и сколько-нибудь замѣтнаго общаго пониженія урожайности. Что въ настоящее время наиболѣе остро ощущается — собственно въ области земельныхъ отношеній — населеніемъ средней Сибири, это полная неустойчивость землепользованія, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ: землеустройство, образованіе переселенческихъ участковъ, выдѣлъ лѣсныхъ дачъ — все это въ полномъ ходу, и населеніе никогда

не знает, что останется в его пользовании и что, может быть, в будущем же году, по тому или другому поводу, будет от него отобрано,— и такая неустойчивость не может, конечно, не отражаться весьма неблагоприятным образом и на ходъ расчистокъ изъ-подъ лѣса, и на самой обработкѣ уже состоящихъ подъ культурою земель.

Такъ или иначе—но для средней Сибири, рассматриваемой какъ цѣлое, земельно-агрономическій кризисъ,—кризисъ хищнически-экстенсивнаго хозяйства и въ частности—залежно-пароваго земледѣлія, является еще дѣломъ будущаго, хотя, слѣдуетъ думать, и очень близкаго. Несомнѣнно наблюдаемый и здѣсь, хотя и гораздо менѣе острый, кризисъ крестьянскаго хозяйства имѣетъ, по преимуществу, экономическій характеръ, и корень его лежитъ въ двухъ обстоятельствахъ: въ паденіи золотопромышленности и въ проведеніи Сибирской желѣзной дороги. Вліяніе желѣзной дороги на условія сбыта, положительное для западно-сибирской степи, было отрицательнымъ для всей средней Сибири: „проведеніе Сибирской желѣзной дороги—говоритъ Енисейскій губернскій сельскохозяйственный комитетъ, явилось такимъ могучимъ, а главное неожиданнымъ факторомъ въ измѣненіи всѣхъ сложившихся мѣстныхъ экономическихъ условій, что застигнутое врасплохъ и неподготовленное сельское населеніе оказалось сразу въ весьма тяжеломъ положеніи: сразу исчезли привычные заработки, связанные съ прежнимъ громаднымъ гужевымъ транзитомъ, исчезъ и готовый рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ лицѣ закрытаго нынѣ Московскаго тракта; цѣлымъ крупнымъ притрактовымъ селеніямъ, находившимъ средства къ жизни въ занятіи извозомъ, пришлось немедленно обратиться къ земледѣлію, а достаточнаго количества готовыхъ пашень не было, не говоря уже о томъ, что одна обработка земли безъ прежняго легкаго сбыта продуктовъ на трактъ не замѣнила прежнихъ выгодъ“. Обратившееся къ земледѣлію населеніе значительно усилило, съ другой стороны, предложеніе хлѣба. Въ еще большей мѣрѣ послѣднее усилилось благодаря наплыву въ край переселенцевъ—опять таки одному изъ послѣдствій проложенія желѣзной дороги: переселенцы, будучи всецѣло земледѣльцами и не имѣя подспорнаго заработка въ тѣхъ разнообразныхъ промыслахъ, которые, въ значительной степени, отвлекали старожиловъ отъ земледѣлія, въ гораздо большей пропорціи увеличили производство продуктовъ земледѣлія, въ частности хлѣба, чѣмъ въ какой они явились потребителями этого рода продуктовъ. Производство хлѣба, такимъ образомъ, возросло далеко непропорціонально приросту населенія. А между тѣмъ съ закрытіемъ Сибирскаго тракта отпалъ весь тотъ спросъ на хлѣбъ,

на сѣно и всякаго рода иные сельскохозяйственные продукты, какою предьявлялъ извозъ, вмѣстѣ съ тѣсно съ нимъ связаннымъ дворничествомъ. „Еще болѣе общимъ условіемъ упадка сельскохозяйственного сбыта—по словамъ того-же Енисейскаго комитета—явилось продолжающееся сокращеніе золотопромышленности,—въ ней все сельское хозяйство губерніи (и всей вообще средней Сибири) утратило не только близкій и выгоднѣйшій рынокъ для всѣхъ сельскохозяйственныхъ отраслей, но и источникъ заработка личнымъ трудомъ“. Этому послѣднему обстоятельству я лично не склоненъ придавать существеннаго значенія: заработанное на приискахъ, въ громадной части, пропивалось, вообще растрчивалось непроизводительнымъ образомъ, и если извѣстная часть заработка приносилась домой, въ семью и хозяйство, то этотъ плюсъ далеко перевѣшивался деморализующимъ и вреднымъ для здоровья вліяніемъ работы и жизни на приискахъ. Тѣмъ существеннѣе, конечно, значеніе упадка золотопромышленности, какъ рынка для продуктовъ крестьянскаго хозяйства: добыча золота, напримѣръ, въ Енисейской губерніи упала съ тысячи до нѣсколькихъ десятковъ пудовъ,—а каждый пудъ, на который сократилась добыча золота, равносильна сокращенію на многія тысячи пудовъ спроса на хлѣбъ и на всякіе другіе сельскохозяйственные продукты. Въ концѣ концовъ, измѣнившіяся условія сбыта, въ связи съ открывшимся благодаря, опять-таки, желѣзной дорогѣ доступомъ дешеваго западно-сибирскаго хлѣба, вызвали рѣзкое паденіе, въ средней Сибири, хлѣбныхъ цѣнъ: „при маломальскихъ урожаяхъ—говоритъ Балаганскій сельскохозяйственный комитетъ—нашъ уѣздъ не можетъ сбывать свой хлѣбъ выше 50—70 коп. за пудъ; пресловутыя цѣны въ 2 руб. 50 коп. и 3 руб. за пудъ отошли безповоротно въ вѣчность, а цѣна въ 50 коп. за пудъ хлѣба, при неблагоприятныхъ условіяхъ обработки земли и веденія земледѣлія, должна считаться для Балаганскаго уѣзда безусловно не оправдывающею и не окупающею затрачиваемый на это трудъ“...

Такимъ образомъ—повторяю—хозяйственный кризисъ въ средней Сибири имѣетъ, по преимуществу, экономическій характеръ, и главный вопросъ для края, пока, не въ измѣненіи техники сельскаго хозяйства и не въ повышеніи производительности земли,—это только ухудшило бы условія сбыта, значить обострило бы кризисъ,—а въ улучшеніи условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Вотъ почему общественное мнѣніе въ средней Сибири усиленно занимается вопросомъ о пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа, въ частности—объ уничтоженіи пресловутаго Челябинскаго перелома тарифныхъ ставокъ, объ организаціи пароходства и морской тор-

говли черезъ устье Енисея, способной, со одной стороны, создать выгодный заграничный сбытъ для средне-сибирскаго хлѣба, а съ другой—способствовать развитію въ средней Сибири горнаго дѣла и другихъ видовъ добывающей промышленности; развитіе послѣдней, равно какъ и обрабатывающей промышленности, имѣло бы, въ свою очередь, весьма серьезное значеніе и для мѣстнаго сельскаго хозяйства, такъ какъ взаимѣпъ недостающаго вѣшняго создало бы для его произведеній выгодный внутренній рынокъ.

Такова общая картина земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній въ Сибири и въ частности—въ той ея, не особенно обширной, полосѣ, которая вмѣщаетъ громадное большинство населенія страны,—въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія. Каковъ же общій смыслъ, основной, если можно такъ выразиться, тонъ этой картины?.. Отвѣтъ, который склоненъ дать на этотъ вопросъ авторъ пастоящаго очерка, многимъ покажется, можетъ быть, парадоксальнымъ: общій смыслъ набросанной на предыдущихъ страницахъ картины сводится къ тому, что въ Сибири мы имѣемъ дѣло не столько съ земельнымъ, сколько съ экономическимъ и агрономическимъ, а затѣмъ, въ послѣдней инстанціи, съ культурнымъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вопросомъ, и что рѣшенія сибирскаго, такъ называемаго, земельного вопроса слѣдуетъ искать на почвѣ не столько землеустроительныхъ, сколько экономическихъ, агрономическихъ и—прежде всего—культурныхъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, мѣропріятій.

Какъ, воскликнетъ читатель,—да вы же сами говорили о томъ, что въ Тобольской губерніи размѣры землепользованія значительной части населенія спустились уже до 10, 8, 6 десятинъ на душу наличнаго населенія,—значить до такихъ предѣловъ, которые, при данномъ складѣ крестьянскаго хозяйства, вы сами признаете явно недостаточными?.. Какъ—прибавить читатель, болѣе или менѣе знакомый съ литературою земельного вопроса въ Сибири или слѣдящій за сибирскою повременною печатью: развѣ вы не знаете такихъ фактовъ вопіющаго земельного неустройства, какъ положеніе крестьянъ Ирбицкой заводской дачи, въ Минусинскомъ уѣздѣ; развѣ вы не знаете, что въ Забайкальской области есть цѣлая группа населенія—бывшіе горнозаводскіе крестьяне Нерчинско-заводскаго округа, которая осталась почти безъ земельного надѣла и поставлена въ положеніе вынужденныхъ арендаторовъ кабинетскихъ земель? Конечно, читатель,—отвѣчу я: я знаю и эти, и многіе другіе аналогичные факты; знаю, что положеніе многихъ отдѣльныхъ селеній и мѣстностей въ Сибири не можетъ быть улучшено иначе, какъ при условіи тѣхъ или другихъ мѣръ землеустроительнаго характера.

Я знаю, что и при выдѣлѣ лѣсныхъ заказниковъ и дачъ, и при нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ, и даже при производящемся въ настоящее время поземельномъ устройствѣ, было надѣлано не мало ошибокъ, создавшихъ типичный земельный вопросъ, гдѣ его не было-бы при нормальномъ ходѣ вещей и при болѣе рациональной постановкѣ землеустройства и лѣсоустройства. Но я говорю здѣсь не о всѣхъ этихъ частностяхъ — детальный ихъ разборъ совершенно выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ настоящаго очерка; я имѣлъ возможность дать лишь самую общую характеристику земельно-хозяйственныхъ отношеній въ Сибири, и долженъ теперь подвести общіе итоги сказаннаго мною. И я настаиваю на томъ, что въ такомъ общемъ итогѣ мы имѣемъ въ Сибири дѣло не столько съ земельнымъ, сколько съ культурно-хозяйственнымъ вопросомъ, и что рѣшенія его надо искать въ области не столько земельныхъ, сколько культурно-хозяйственныхъ мѣропріятій. Кризисъ западно-сибирскаго крестьянскаго хозяйства — это неизбѣжный кризисъ экстенсивнаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства, на смѣну которому, при данной густотѣ населенія и данныхъ условій сбыта, неизбѣжно должны явиться иные хозяйственные порядки, способные въ соотвѣтственной степени повысить производительность и доходность земли. Аналогичный кризисъ несомнѣнно надвигается, а для пѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей можетъ быть, уже и надвинулся, и въ средней Сибири; въ общемъ же мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ земельнымъ, и даже не столько съ агрономическимъ, сколько съ чисто-экономическимъ кризисомъ, который вызванъ рѣзкимъ измѣненіемъ условій сбыта продуктовъ крестьянскаго хозяйства и до извѣстной степени — утратою привычныхъ для населенія подспорныхъ къ земледѣлію заработковъ.

Но, скажетъ мнѣ опять читатель — и онъ явится, несомнѣнно, выразителемъ очень распространеннаго въ мѣстной повременной печати взгляда, — вѣдь тотъ кризисъ экстенсивнаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства, наступленіе котораго вы констатируете для однихъ мѣстностей, какъ фактъ, для другихъ — предвидите, какъ дѣло близкаго будущаго, — это вѣдь кризисъ не самопроизвольно наступившій; это слѣдствіе того рѣзко надвинувшагося утѣсненія, которое было искусственно вызвано изъятіемъ въ пользованія населенія лѣсовъ, отрѣзкою въ переселенческіе участки необходимыхъ ему земель, слишкомъ строгимъ и несообразнымъ съ мѣстными условіями примѣненіемъ, при поземельномъ устройствѣ, 15-десятинной нормы. И обостреніе этого кризиса можетъ быть до извѣстной степени пріостановлено, переходъ къ новымъ условіямъ хозяйства и землепользованія можетъ быть значи-

тельно облегченъ для сибирскаго населенія, если охрана лѣсовъ, водвореніе переселенцевъ, регулированіе землепользованія мѣстнаго населенія будетъ поставлено на болѣе правильныя, раціональныя начала, согласованныя съ потребностями и насущными интересами этого населенія.

Опять-таки, и въ данномъ случаѣ надо различать между частными случаями и общою постановкою вопроса. Въ частныхъ случаяхъ было допущено не мало ошибокъ, которыхъ, иногда, нельзя назвать иначе, какъ преступными ошибками. Если, напри- мѣръ, въ средне-сибирскихъ губерніяхъ, послѣ вѣкового свободнаго пользованіями лѣсами, эти послѣдніе разомъ были забраны въ казенники, куда попадали, сплошь и рядомъ, необходимѣйшія крестьянскія угодыя, а иногда и цѣлыя крестьянскія селенія; если при нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ у старожильскаго селенія отбирался необходимый выпускъ или сотни десятинъ разработанной пашни, въ одномъ сплошномъ отрубѣ; если, при поземельномъ устройствѣ, старожильскому селенію, сидящему на 10, 8 или 6 десятинахъ, отказывали въ дополнительномъ надѣлѣ, чтобы изъ лежащей по смежности казенной земли образовать участокъ для переселенцевъ, получающихъ на душу по 15 десятинъ; если въ новѣйшее время правительство, растерявшись отъ искусственно-вызваннаго его „рекламою“ и „пропагандой“ усиленнаго наплыва переселенцевъ въ Сибирь, предписываетъ производить ускоренное поземельное устройство, „не стѣсняясь формальными требованіями закона“, или, вопреки закону, поручаетъ переселенческимъ партіямъ производить какое-то „временное поземельное устройство“ живущихъ въ Алтайскомъ округѣ киргизъ,—все это, чтобы поскорѣе и побольше нарѣзать переселенческихъ участковъ изъ отобранныхъ у населенія земель,—это все, повторяю, вредныя и пагубныя для населенія Сибири, нерѣдко преступныя ошибки, и онѣ должны быть исправлены вездѣ, гдѣ только это окажется возможнымъ, организація же земельного, лѣснаго, переселенческаго дѣла должна быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы исключить, на будущее время, возможность повторенія подобнаго рода ошибокъ. Но все это отнюдь не предрѣшаетъ вопроса въ его общей, принципиальной постановкѣ. Привыкшее къ безпредѣльному простору, къ безвозбранно-свободному пользованію лѣсомъ населеніе лѣсныхъ мѣстностей Сибири, несомнѣнно, потерпѣло или потерпитъ временный, можетъ быть острый, кризисъ, вызванный уже послѣдовавшимъ или еще предстоящимъ выдѣломъ лѣсовъ въ казенныя лѣсныя дачи или казенники. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что изыятіе лѣсовъ изъ безвозбранно-свободнаго пользованія населенія было

ошибкою, — что такое изытіе должно быть прекращено, и что лѣса должны быть возвращены въ свободное пользованіе населенія? Никонимъ образомъ, потому что безвозбранно-свободное пользованіе — это значить скорое и окончательное истребленіе лѣсовъ; а такое истребленіе губительно отражается на насущнѣйшихъ интересахъ какъ всей вообще страны съ ея городами, промышленностью, желѣзною дорогою и т. п., такъ и самихъ-же крестьянъ, которые теперь такъ горько жалуются на претерпѣваемое ими „утѣсненіе“. Крестьяне многоземельныхъ мѣстностей Сибири, фактически эксплуатирующіе, такъ или иначе, по 30, 40 или 50 десятинъ на душу, или инородцы, сидящіе въ обширныхъ „крѣпостныхъ“ дачахъ и ведущіе скотоводческое, по преимуществу, хозяйство, — несомнѣнно потерпятъ нѣкоторое „утѣсненіе“, если ихъ посадятъ на 15 или 20-десятинный надѣлъ: первымъ черезъ нѣкоторое время придется, можетъ быть, подумать о какомъ-нибудь новомъ, болѣе соответствующемъ сравнительному „утѣсненію“, типѣ земледѣльческаго хозяйства, замѣнить свободный выпасъ скота пастушнымъ, заняться расчисткою заросшихъ лѣсомъ сѣнокосовъ или разрабатывать изъ-подъ лѣса пашни; вторымъ, несомнѣнно, придется изъ скотоводовъ сдѣлаться земледѣльцами, для чего потребуетъ, можетъ быть, болѣе или менѣе продолжительный, болѣе или менѣе болѣзненный переходный процессъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что за инородцами должно быть признано неприкосновенное право на ихъ обширныя „крѣпостныя“ дачи? что крестьянъ многоземельныхъ мѣстностей слѣдуетъ и на дальнѣйшее время оставить на привычномъ, практически-безграничномъ просторѣ, или отвести имъ надѣлы — какъ нерѣдко требуютъ — по такимъ высокимъ нормамъ, которыя позволили бы имъ на неопредѣленное время остаться при привычномъ, крайне экстенсивномъ залежномъ хозяйствѣ и полукочевомъ скотоводствѣ? По моему убѣжденію, опять-таки, рѣшительно нѣтъ: тѣ измѣненія въ строѣ хозяйства инородцевъ или крестьянъ, о которыхъ только что была рѣчь, не представляютъ чего-либо невозможнаго или слишкомъ труднаго; сокращеніе земельного пространства будетъ связано для тѣхъ и другихъ, въ худшемъ случаѣ, — съ временнымъ потрясеніемъ ихъ хозяйства. А разъ это такъ, то не надо быть фанатикомъ переселенческаго дѣла (читателю, можетъ быть, извѣстно, что пишущій эти строки отнюдь не принадлежитъ къ числу такихъ фанатиковъ) или націоналистомъ, проповѣдующимъ принципъ „Россія для русскихъ“, что бы возставать противъ принципа „Сибирь для сибиряковъ“; чтобы видѣть въ земельныхъ запасахъ какой-нибудь Енисейской губерніи или Забайкальскихъ степей не енисейское или бурятское, а общенародное

достояніе; чтобы настаивать, поэтому, на томъ, что енисейскіе крестьяне или забайкальскіе буряты не могутъ претендовать на такой просторъ, при которомъ каждый изъ нихъ является маленькимъ помѣщикомъ, а значительная часть земли либо вовсе не используется, либо используется крайне слабо, когда есть милліоны и чуть не десятки милліоновъ безземельнаго и крайне мало-земельнаго населенія, которому нельзя иначе помочь, какъ путемъ надѣленія землею, и когда переселеніе является безусловно необходимымъ, въ общей системѣ земельной политики, способомъ удовлетворенія этой огромной и настоятельной земельной нужды; когда переселенческое движеніе есть такой фактъ народной жизни, съ которымъ приходится считаться,—а между тѣмъ переселенцевъ только и возможно устраивать за счетъ сокращенія того земельного простора, которымъ нынѣ пользуется населеніе Сибири и другихъ нашихъ колонизаціонныхъ районовъ.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что интересы—по крайней мѣрѣ непосредственные—старожилаго, русскаго и инородческаго населенія Сибири на каждомъ шагѣ вступаютъ въ конфликтъ съ интересами, прежде всего, переселенческаго дѣла и съ первостепенно-важною для края задачею сохраненія и возстановленія лѣсовъ; что они, затѣмъ, могутъ вступать и дѣйствительно вступаютъ въ конфликтъ съ интересами, на примѣръ, горнаго или золотого дѣла, обрабатывающей промышленности и т. п. Но какъ крестьянскаго интереса нельзя приносить въ жертву интересамъ переселенія или лѣснаго дѣла,—такъ же точно слишкомъ широко понимаемымъ интересамъ старожилаго населенія нельзя приносить въ жертву интересы переселенческаго дѣла, лѣсоохраненія, промышленности страны, которые, въ концѣ концовъ, нерѣдко совпадаютъ съ прямыми интересами самого населенія. Въ основу землеустройства края, разумѣя этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, долженъ быть положенъ принципъ возможнаго согласованія всѣхъ затрагиваемыхъ при этомъ, взаимно противурѣчивыхъ интересовъ. А отсюда вытекаетъ существенно важный выводъ, касающійся уже самой организаціи землеотводнаго дѣла и земельного хозяйства страны. Въ общественномъ мнѣніи Сибири широко распространено теченіе, которое правильнѣе всего назвать автономистическимъ; представители этого теченія желаютъ передать въ руки самого сибирскаго населенія, въ лицѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, между прочимъ, и все земельное дѣло въ странѣ, включая какъ поземельное устройство, такъ и завѣдываніе лѣсами, переселенческое дѣло и т. п. Мнѣ кажется, что такое рѣшеніе вопроса объ организаціи земельного дѣла въ Сибири было бы

ошибочно. Поземельное устройство, вообще земельное дѣло, гдѣ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ Сибири—области, имѣющей для всей страны важное колонизаціонное значеніе, не есть чисто мѣстное дѣло; мѣстные интересы, какъ мы видѣли, перѣдко вступаютъ въ конфликтъ съ общегосударственными интересами, и въ частности широкое пониманіе земельныхъ нуждъ мѣстнаго населенія всегда будетъ итти въ ущербъ не менѣе и даже гораздо болѣе пасущимъ интересамъ переселенческаго дѣла. Между тѣмъ, органы мѣстнаго самоуправленія, какъ таковыя, всегда будутъ стоять на стражѣ одного только мѣстнаго интереса и будутъ болѣе чѣмъ равнодушны къ нуждамъ, напримѣръ, переселенческаго дѣла. Мало того: ближайшій интересъ мѣстнаго населенія, всегда стремящагося сохранить или получить какъ можно больше земли, весьма часто будетъ въ противорѣчьи даже съ мѣстными-же, но болѣе общими интересами, иногда—и съ болѣе отдаленными, а потому не признаваемыми, интересами самого населенія, для котораго крайне важно, напримѣръ, сохраненіе лѣсовъ, развитіе внутренняго рынка для продуктовъ и т. п. Между тѣмъ мѣстное самоуправленіе, органы котораго избраны и будутъ переизбираться голосами тѣхъ-же крестьянъ и инородцевъ, которое и по самому своему существу должно быть выразителемъ взглядовъ и нуждъ своихъ довѣрителей, слишкомъ легко будетъ переоцѣнивать ближайшіе ихъ интересы и нужды и приносить имъ въ жертву болѣе отдаленные или болѣе общіе интересы страны. Вотъ почему, я думаю, земельное дѣло въ Сибири—какъ бы ни было, впослѣдствіи, организовано здѣсь мѣстное самоуправленіе,—должно остаться государственнымъ дѣломъ, и завѣдываніе имъ должно быть оставлено въ рукахъ учреждений государственнаго характера. Этимъ, конечно, отнюдь не предрѣшается вопросъ о сохраненіи нынѣшней, чрезмѣрно бюрократической организаціи этихъ учреждений. Напротивъ, эти послѣднія должны быть реорганизованы, съ привлеченіемъ къ широкому участию въ нихъ общественнаго элемента; но характеръ этихъ учреждений долженъ остаться государственнымъ, и верховное право разрѣшенія конфликтовъ между мѣстными и общегосударственными, ближайшими и болѣе отдаленными интересами должно быть оставлено въ рукахъ государственной власти, способной стать выше того или другого, мѣстнаго или частнаго интереса и независимой отъ тѣхъ или другихъ, чисто мѣстныхъ вліяній.

Центръ тяжести сибирскаго земельного вопроса въ его общей постановкѣ—я сказалъ и особенно настаиваю на этомъ—лежитъ однако не въ землѣ, а въ культурной и экономической обстановкѣ

сибирскаго крестьянскаго хозяйства, и на эту обстановку, о которой до сихъ поръ, въ сущности, не заботился никто, должно быть обращено главное вниманіе. Какъ и въ чемъ это послѣднее должно проявляться—этотъ вопросъ, опять-таки, выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка. Скажу только вкратцѣ: земельный вопросъ въ Сибири, въ концѣ концовъ, сплетается съ культурнымъ вопросомъ не только въ тѣсномъ смыслѣ—подъема сельскохозяйственной культуры, но и въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: народное образованіе, общественная самодѣятельность и т. д. И необходимою предпосылкою разрѣшенія этого, широкаго культурно-хозяйственнаго вопроса является для Сибири, какъ и для всей вообще Россіи, устраненіе существующаго теперь административнаго гнета надъ личною и общественною самодѣятельностью населенія и передача необходимой культурной работы въ руки свободно-организованныхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія.

Изъ предыдущаго изложенія для читателя должно было сдѣлаться яснымъ, какъ тѣсно и неразрывно земельный вопросъ въ Сибири, всѣми своими сторонами, сплетается съ переселенческимъ вопросомъ. Да и безъ всякой аргументаціи, само собою ясно, какое огромное значенія имѣеть для рѣдко населенной страны, въ значительной мѣрѣ сохранившей еще характеръ колоніи, вопросъ о возможномъ дальнѣйшемъ ходѣ и вѣроятныхъ успѣхахъ направляющагося въ нее переселенческаго движенія. Этому вопросу мы и посвятимъ послѣднюю часть настоящаго очерка; конечно, мы коснемся его только въ самыхъ общихъ чертахъ,—иначе намъ понадобилось бы, по крайней мѣрѣ, вчетверо или впятеро больше мѣста, чѣмъ авторъ имѣеть возможность использовать въ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ настоящаго сборника.

Прежде всего: каковы были до сихъ поръ результаты переселенческаго движенія,—иначе сказать: что находили въ Сибири переселенцы? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы располагаемъ прежде всего, нѣкоторымъ, хотя и далеко не сплошнымъ, не исчерпывающимъ цифровымъ матеріаломъ, собраннымъ въ началѣ 90-хъ годовъ, частью при общихъ изслѣдованіяхъ сибирскаго, крестьянскаго хозяйства, частью—при специальныхъ изслѣдованіяхъ хозяйственнаго положенія новоселовъ. Цифры эти рисуютъ намъ очень пеструю картину. Наилучшіе результаты переселенія обнаружались по Енисейской губерніи и по Алтайскому округу. Въ первой у переселенцевъ, прожившихъ въ краѣ свыше 15 лѣтъ, слѣдовательно уже близкихъ къ положенію староселовъ, оказалось въ среднемъ на дворъ: въ

старыхъ селеніяхъ 4,2, въ новыхъ поселкахъ 4,4 головы рабочаго скота; среднее число головъ крупнаго рогатаго скота у тѣхъ и другихъ—4,7; средній размѣръ посѣвной площади—7,4 и 8,0 дес. Даже у прожившихъ въ краѣ хотя и менѣе 15, но свыше пяти лѣтъ, значить тоже вышедшихъ изъ фазиса первоначальнаго устройства „на новыхъ мѣстахъ“, соотвѣтственныя цифры оказались: для рабочихъ лошадей—4,1 и 4,4, для рогатаго скота—4,0 и 4,4, для посѣвной площади—7,2 и 7,1 дес. Насколько можно судить по этимъ, весьма благопріятнымъ среднимъ цифрамъ, средній уровень благосостоянія Енисейскихъ переселенцевъ въ началѣ 90-хъ годовъ мало отличался отъ средняго уровня благосостоянія сторожилаго населенія губерніи. Однако, и въ Енисейской губерніи, въ особенности среди переселенцевъ, водворенныхъ въ сторожилскихъ селеніяхъ, оказался довольно значительный процентъ дворовъ, очевидно потерпѣвшихъ, въ результатѣ переселенія, хозяйственную неудачу: въ старожилскихъ селеніяхъ среди прожившихъ отъ 5 до 15 лѣтъ оказалось 3, 6⁰/₀, среди прожившихъ свыше 15 лѣтъ 5,3⁰/₀ безлошадныхъ; въ новыхъ поселкахъ безлошадныхъ между прожившими болѣе 15 лѣтъ не оказалось; между прожившими отъ 5 до 15 лѣтъ ихъ было насчитано 4,1⁰/₀; безъ рогатаго скота, въ томъ же порядкѣ группъ, оказалось 9,0, 9,0, 7,7 и 5,4⁰/₀, безъ посѣва—11,5, 7,2, 2,6 и 6,8⁰/₀; все это цифры не слишкомъ высокія, но чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ значеніе, надо имѣть въ виду, что при условіяхъ сибирскаго земледѣлія, требующаго для обработки земли не менѣе двухъ, а во многихъ мѣстностяхъ и трехъ лошадей, къ разряду безхозяйныхъ приходится отнести не только безлошадные, но и однолошадные дворы.

Для Алтайскаго округа произведенное въ 1894 г. изслѣдованіе дало еще болѣе высокія среднія цифры, нежели по Енисейской губерніи: средній размѣръ посѣвной площади у прожившихъ свыше 10 лѣтъ—11,1 дес., у прожившихъ отъ 5 до 10 лѣтъ 10,0, даже у прожившихъ отъ 3 до 5 лѣтъ—8,0 дес.; среднее число рабочихъ лошадей въ соотвѣтственныхъ группахъ—5,7, 4,2 и 3,1, однѣхъ только дойныхъ коровъ—3,6, 2,8, 1,9 головъ,—цифры, тоже вполне выдерживающія сравненіе съ цифрами, рисующими средній уровень благосостоянія мѣстнаго старожилаго населенія. Но, опять таки, и для Алтайскаго округа цифры заставляютъ констатировать наличность значительнаго, въ большей или меньшей степени безхозяйнаго элемента. Среди прожившихъ въ краѣ отъ 3 до 10 лѣтъ оказалось безлошадныхъ или что—какъ я сказалъ—практически одно и то же, однолошадныхъ, 24,8⁰/₀, и даже среди прожившихъ болѣе 10 лѣтъ безлошадные и однолошадные составляли 11,5⁰/₀;

совершенно беспосѣвные были, правда, очень малочисленны, составляя, въ томъ же порядкѣ группъ, 3,3 и 3,7⁰/₀; но очень значительная часть алтайскихъ новоселовъ—27,7 и 17,9⁰/₀—располагала явно недостаточною, по мѣстнымъ условіямъ, посѣвную площадь, именно засѣвала не выше 5 десятинъ на дворъ, и огромный процентъ новоселовъ, имѣя посѣвъ, не успѣлъ однако достигнуть возможности вести самостоятельное хозяйство: 20,0 и 12,7⁰/₀—въ томъ же порядкѣ группъ—обрабатывали землю наймомъ, 36,0 и 17,9⁰/₀—супрягою.

Но Енисейская губернія и Алтайскій округъ были и по сей-часть остались, какъ по естественнымъ условіямъ—плодородіе и свѣжесть почвы, сравнительно благопріятныя метеорологическія условія!—такъ и по экономической обстановкѣ, лучшими, по крайней мѣрѣ въ коренной Сибири, колонизаціонными районами. Уже для района казенныхъ земель Томской губерніи благосостояніе новоселовъ, по даннымъ, собраннымъ также въ 1894 году, рисуется въ гораздо менѣе благопріятномъ свѣтѣ: среднія цифры, въ общемъ, вдвое ниже, чѣмъ въ Алтайскомъ округѣ, и значительно ниже, чѣмъ у мѣстнаго старожилаго населенія: 2,5 рабочихъ лошадей, 1,9 дойныхъ коровъ и 4,9 дес. посѣвной площади,—все это у прожившихъ въ краѣ болѣе четырехъ лѣтъ, слѣдовательно уже прошедшихъ тяжелый искусь первоначальнаго обзаведенія; и при этомъ беспосѣвные составляли уже 9,7⁰/₀—почти одну десятую часть, безлошадные съ однолошадными—22,1⁰/₀, почти четверть общаго числа новоселовъ. Сопоставленіе приведенныхъ цифръ съ цифрами, характеризующими хозяйственное положеніе переселенцевъ на родинѣ, даетъ, на первый взглядъ, достаточно благопріятные результаты: на родинѣ, до переселенія, томскіе новоселы располагали, въ среднемъ, 1,6 рабочею лошадию, 1,3 коровою и 3,6 дес. посѣва; беспосѣвные составляли 14,3⁰/₀, а безлошадные съ однолошадными 55,2⁰/₀; значить, они, какъ будто бы, замѣтно выиграли отъ переселенія. Но если принять во вниманіе, что такія величины, какъ лошадь, какъ корова, какъ десятина посѣвной площади въ Сибири, при экстенсивномъ характерѣ хозяйства и при низкой его доходности, имѣютъ гораздо меньшее значеніе, нежели въ Европейской Россіи; что, напримѣръ, одна лошадь при условіяхъ сибирскаго земледѣлія—это все равно, что половина или даже треть лошади въ Европейской Россіи, то заключенія, какія можно сдѣлать изъ приведенныхъ цифръ, окажутся гораздо менѣе благопріятными. И эти менѣе благопріятныя заключенія вполне подтверждаются тѣми данными, какими мы располагаемъ для сужденія о результатахъ хозяйства томскихъ новоселовъ: 15,1⁰/₀ ихъ—

почти такой же процентъ, какъ и на родинѣ (16,8⁰/₀) — отпускали срочныхъ батраковъ, а болѣе двухъ пятыхъ, 42⁰/₀, не имѣли достаточно хлѣба для продовольствія; а это для такой исключительно земледѣльческой страны, какъ полоса экстенсивнаго земледѣлія въ Сибири, является, конечно, признакомъ чрезвычайно шаткого положенія хозяйства.

Но цифры, полученныя мѣстнымъ изслѣдованіемъ въ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи, приходится признать еще очень благопріятными, если сравнить ихъ съ цифрами, полученными, годомъ раньше, при подворномъ изслѣдованіи Тобольскихъ новоселовъ: въ среднемъ у прожившихъ въ краѣ отъ 5 до 7 лѣтъ оказалось 2,0 рабочихъ лошади, у прожившихъ отъ восьми до десяти лѣтъ 2,3, у прожившихъ болѣе десяти лѣтъ — даже 1,8 рабочихъ лошади; средній размѣръ посѣвной площади, въ томъ же порядкѣ группъ, 3,7, 2,9 и 4,0 дес. Уже эти среднія цифры — читатель видитъ — замѣтно ниже, чѣмъ по району казенныхъ земель Томской губерніи и втрое ниже, чѣмъ по Енисейской губерніи или по Алтаю. Но эти среднія цифры рисуютъ положеніе Тобольскихъ новоселовъ далеко еще не въ столь неблагопріятномъ свѣтѣ, какъ данныя о числѣ дворовъ, потерпѣвшихъ полную хозяйственную неудачу: безлошадныхъ — однихъ только совершенно безлошадныхъ! — оказалось, въ томъ же порядкѣ группъ, 13,3, 11,8 и — у прожившихъ свыше десяти лѣтъ! — 18,8⁰/₀; безъ коровы — 20,2, 19,4 и 29,8⁰/₀, безъ посѣва — 10,5, 12,2 и 8,0⁰/₀. По подсчету, сдѣланному г. Владиславлевымъ на основаніи собраннаго при изслѣдованіи 1893 года матеріала, изъ 63 изслѣдованныхъ поселковъ съ 4.164 дворами только четыремъ, съ 245 дворами, вполне хватало своего хлѣба; въ пяти, съ 196 дворами, хватало хлѣба значительному большинству дворовъ, въ двухъ, со 117 дворами, — болѣе нежели половинѣ, въ четырехъ, съ 297 дворами, хлѣба хватало только немногимъ, въ остальныхъ 48 поселкахъ — почти никому. „Въ среднемъ — такъ резюмируетъ тотъ-же авторъ общій смыслъ собраннаго изслѣдованіемъ тобольскихъ новоселовъ статистическаго матеріала — новоселы лѣтъ черезъ 20 по приходѣ становятся на ноги; если бы не неурожай, вродѣ бывшаго въ 1884 году, этотъ тяжелый процессъ происходилъ бы быстрѣе, можетъ быть вдвое; но, увы — при нихъ мы должны сознаться, что самостоятельное хозяйство новоселовъ находится въ состояніи полнаго банкротства“...

И такіе результаты переселенія — въ среднемъ вполне благопріятные въ однихъ колонизаціонныхъ районахъ, посредственные въ другихъ, очень плачевные въ третьихъ, — такіе результаты, говорю

я, добыты мѣстнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ; зарегистрированные въ то время переселенцы переселялись и обзаводились на новыхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, въ 80-хъ годахъ, т. е. въ такое время, когда условія водворенія переселенцевъ Сибири были еще мыслимо благопріятны: переселенцы водворялись либо въ старожильскихъ селеніяхъ—и въ такомъ случаѣ они пользовались тѣмъ-же земельнымъ просторомъ, что и старожилы; либо на переселенческихъ участкахъ, которые въ то время нарѣзывались въ лучшихъ, по естественнымъ и экономическимъ условіямъ, мѣстностяхъ Сибири. При сравнительно ограниченномъ наплывѣ переселенцевъ трудъ ихъ—если они нуждались въ заработкѣ—встрѣчалъ широкой спросъ со стороны жилищнаго старожильского населенія, и потому каждый переселенецъ могъ рассчитывать на хорошіе заработки, которые, при трудолюбіи и бережливости, позволяли даже совершенно неимущему переселенцу въ немного лѣтъ скопить средства, нужныя для полного обзаведенія; прожить „до своего хлѣба“ и обзавестись домомъ и необходимымъ инвентаремъ стоило въ то время очень дешево: переселенческая семья, попавшая въ Сибирь въ хорошій урожай, въ одинъ мѣсяць или даже скорѣе могла заработать хлѣба на цѣлый годъ и „прирядить“ посѣвъ, достаточный для продовольствія на слѣдующій, второй годъ по водвореніи.

Съ того времени условія водворенія переселенцевъ въ Сибирь значительно измѣнились къ худшему. „Междугранки“ между старожильскими селеніями, гдѣ прежде водворялась главная масса переселенцевъ, вездѣ уже заселены,—колониція во всей коренной Сибири передвинулась, почти исключительно, въ подтаѣжные и чисто таѣжные районы; земли, на которыхъ теперь приходится садиться переселенцамъ, и хуже по качеству, и, въ видѣ правила, труднѣе для разработки, и—что можетъ быть, самое главное—удалены отъ старожильскихъ селеній. Это послѣднее обстоятельство очень затрудняетъ первоначальное обзаведеніе—устройство жилища, приобрѣтеніе хлѣба и инвентаря и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ оно затрудняетъ и пріисканіе заработковъ: прежде, когда старожильскія селенія были подъ рукою, новосель, если нуждался въ заработкѣ, могъ пользоваться для этого каждымъ свободнымъ днемъ, даже свободными часами,—могъ, значить, зарабатывать, не отрываясь отъ собственнаго хозяйства; теперь, когда переселенцы водворяются въ десяткахъ верстъ отъ ближайшихъ старожильскихъ селеній, приходится одно изъ двухъ—либо уходить на заработки и бросать работу на собственномъ хозяйствѣ, либо заняться этимъ послѣднимъ, и въ такомъ случаѣ отказаться отъ надежды на заработки. Да и

сами заработки стали значительно хуже: наплывъ переселенцевъ очень усилился съ начала 90-хъ годовъ, спросъ на трудъ остался тотъ же самый, даже мѣстами сократился, потому что старожиламъ пришлось, во многихъ мѣстностяхъ, сократить свои запашки. А между тѣмъ и обзаведеніе собственнымъ хозяйствомъ, и самое существованіе стало значительно дороже: вздорожали, по крайней мѣрѣ въ западно-сибирскихъ колонизаціонныхъ районахъ, и хлѣбъ, и лошади, и рогатый скотъ, — за все приходится платить вдвое, втрое и вчетверо дороже, чѣмъ 10 или 15 лѣтъ тому назадъ.

Какъ рѣзко измѣнились къ худшему условія водворенія переселенцевъ въ Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ — насколько ухудшились результаты переселенія, — объ этомъ наглядно свидѣлствуютъ цифровыя данныя объ обратномъ переселеніи. За пятилѣтіе 1881—1885 г. оно не превышало 3,4 0/0, за слѣдующія девять лѣтъ, съ 1885 по 1893 г., 3,6 0/0 общаго числа переселенцевъ, прошедшихъ за то-же время въ Сибирь; такое обратное переселеніе, очевидно, не могло возбуждать сколько-нибудь серьезныхъ опасеній. Въ 1895 году, однако, обратное переселеніе разомъ возрастаетъ уже до 10, въ 1896 году — до 14 0/0; въ среднемъ за пятилѣтіе 1894—1898 г. обратное переселеніе составило 13,8, за слѣдующее пятилѣтіе 1899—1903 г., — даже 18,8 0/0 — значитъ возвратилась почти одна пятая всѣхъ переселенцевъ, выселившихся за то же время изъ Европейской Россіи. Въ частности, обратное переселеніе изъ Тобольской губерніи за время съ 1894 по 1898 г. составило 10,3, за 1899—1903 г. 24,3 0/0; изъ района казенныхъ земель Томской губерніи — за первое пятилѣтіе 12, за второе 15,8 0/0, изъ Алтайскаго округа — 12,6 и 21,2 0/0; сравнительно невелико и посейчасъ обратное переселеніе изъ Енисейской губерніи, — въ первомъ пятилѣтіи 10,2 0/0, во второмъ даже только 7,9 0/0 передняго движенія. Въ общемъ итогъ по Тобольской, Томской (исключая Алтай) и Енисейской губерніямъ за пятилѣтіе 1894—1898 г. ушло назадъ на родину 42 тыс., за пятилѣтіе 1899—1903 г. — 63 тыс. душъ, — а всего за десятилѣтіе 105000 душъ. Болѣе ста тыс. душъ, или 16—17 тыс. семей обратныхъ переселенцевъ — людей, которымъ переселеніе принесло полное и окончательное разореніе!...

Въ данную минуту для насъ наиболѣе важно, однако, другое: рѣзкое возрастаніе обратнаго переселенія по сравненію съ 80-ми и даже еще съ началомъ 90-хъ годовъ, неопровержимо доказывающее рѣзкое ухудшеніе условій водворенія. О томъ же свидѣлствуютъ и новѣйшія цифровыя данныя, касающіяся хозяйственнаго положенія переселенцевъ въ Сибири, — именно

данныя подворнаго изслѣдованія, произведеннаго въ 1903 году приглашенными переселенческимъ управленіемъ статистиками. Изслѣдованіе это имѣло, правда, выборочный характеръ; но все же оно охватило 233 переселенческихъ поселка съ 13.712 дворами, и при отсутствіи основаній предполагать односторонній подборъ подвергнутой обслѣдованію поселковъ, собранный изслѣдованіемъ матеріалъ можетъ служить достаточно твердымъ основаніемъ для общихъ заключеній о результатахъ современнаго переселенческаго движенія.

Если остановиться, прежде всего, на общихъ итогахъ по всѣмъ 233 поселкамъ, то среднія цифры, и въ частности — данныя о среднемъ размѣрѣ запашекъ новоселовъ, могутъ показаться достаточно благоприятными; въ среднемъ на дворъ всѣми вообще зарегистрированными переселенцами засѣвалось по 4,6 дес., если же взять только тѣ 9.525 дворовъ, которые водворились на новыхъ мѣстахъ не позже 1899 года и которыя, слѣдовательно, къ моменту изслѣдованія уже прошли искусь первоначальнаго обзаведенія, то средняя повысится до 5,2 десятины. Но прежде всего — въ эти итоговыя цифры входятъ переселенческіе поселки не только коренной Сибири, но и степного края, поставленные, во многихъ отношеніяхъ, въ рѣзко отличныя условія. А затѣмъ, даже и эти итоговыя цифры свидѣтельствуютъ, опять-таки, о весьма рѣзкомъ разслоеніи новоселовъ и о наличности, среди нихъ, весьма многочисленнаго элемента, частью совершенно безхозяйнаго, частью хотя и обзаведшагося хозяйствомъ, но во всякомъ случаѣ не достигшаго даже минимальнаго, по мѣстнымъ условіямъ, уровня хозяйственной самостоятельности; если взять однихъ только водворившихся до 1899 года (о которыхъ мы только и будемъ говорить въ дальнѣйшемъ), то среди нихъ оказывается 5,1% совершенно безъ рабочаго скота и 17,3 съ одною головою, — значить 22,4%, почти четверть общаго числа, не имѣющихъ возможности самостоятельно обрабатывать землю; количество беспосѣвныхъ, правда, незначительно, — оно составляетъ всего 1,9%; но 13,8% засѣвають не болѣе 2 десятины на дворъ, а 46,8% — почти половина общаго числа — отъ двухъ до пяти десятины; въ общей сложности почти двѣ трети общаго числа зарегистрированныхъ дворовъ засѣвають менѣе 5 дес. — запашка ихъ, значить, не достигаетъ того минимума, который, въ среднемъ, можно признать приблизительно достаточнымъ для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей переселенческой семьи. Еще менѣе благоприятными оказываются результаты современнаго переселенія, если взять однѣ только тѣ три сибирскія губерніи, которыя, въ коренной Сибири, являются главными пріем-

никами переселенческаго движенія. Только цифры по Тобольской губерні—въ среднемъ на дворъ 4,5 дес. посѣвной площади—оказываются, сверхъ ожиданія, не только не менѣе, но даже нѣсколько болѣе благопріятными, чѣмъ по изслѣдованію 1893 года; почему—на этотъ вопросъ наши источники не даютъ отвѣта. По району казенныхъ земель Томской губерні (по Алтайскому округу свѣдѣнія почему-то не собирались) и по Енисейской губерні средній уровень достигнутого переселенцами благосостоянія оказывается гораздо ниже, нежели по изслѣдованіямъ начала 90-хъ годовъ; посѣвная площадь составляетъ, въ среднемъ на семью, въ Енисейской губерні всего 4,3 дес., въ Томской—даже только 3,3 десятины. И по всѣмъ тремъ губерніямъ—огромный процентъ дворовъ либо совсѣмъ безхозяйныхъ, либо, во всякомъ случаѣ, не успѣвшихъ въ сколько-нибудь достаточной степени упрочить своего хозяйства: только въ Енисейской губерні безлошадные и однолошадные сравнительно немногочисленны—всего 12,3⁰/₀; въ Тобольской губерні процентъ безлошадныхъ съ однолошадными достигаетъ 21,2, въ Томской—даже 31,5⁰/₀ почти треть новоселовъ, значить, не ведетъ здѣсь самостоятельной запашки. Совершенно беспосѣвные вмѣстѣ съ засѣвающими менѣе двухъ десятиныхъ составляютъ въ Тобольской губерні 16,2, въ Енисейской—19,5, въ Томской—опять таки даже 34,2⁰/₀; засѣвающіе отъ двухъ до пяти десятиныхъ, значить тоже имѣющіе запашку, въ среднемъ, безусловно недостаточную для удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ потребностей, составляютъ въ первой 53,9, во второй 49,5, въ третьей даже 57,6⁰/₀; и только 30,0; и 30,8⁰/₀—около трети, въ Тобольской и Енисейской губерніяхъ, и 16,9⁰/₀, т. е. всего около одной шестой, въ Томской губерні засѣваютъ свыше пяти десятиныхъ,—имѣютъ, значить, запашку приблизительно соотвѣтствующую этимъ минимальнымъ потребностямъ. Если теперь вспомнить о той, почти пятой, части переселенцевъ, которая, въ послѣднее время, возвращается на родину, то ясно станеть, съ какимъ колоссальнымъ рискомъ сопряжено современное переселеніе въ Сибирь, и какъ мало шансовъ современный переселенецъ имѣеть достигнуть сколько-нибудь достаточной степени благосостоянія и хозяйственной самостоятельности..

Было бы слишкомъ долго подробно разбирать всѣ причины столь жалкихъ результатовъ современнаго переселенческаго движенія,—отчасти намъ придется еще вернуться къ этому вопросу на послѣдующихъ страницахъ. Мнѣ хотѣлось бы только остановиться на одномъ обстоятельствѣ, которому общественное мнѣніе склонно придавать существенно важное, даже рѣшающее значеніе: это именно—на плохой организаціи переселенческаго дѣла. Корень зла—

таковъ господствующій взглядъ — въ плохой постановкѣ дѣла выбора и обмежеванія земель, въ недостаточной ихъ подготовкѣ для заселенія (водоснабженіе и т. п.), въ отсутствіи агрономической помощи переселенцамъ, въ недостаточности размѣровъ ссудъ и нецѣлесообразной постановкѣ дѣла ихъ раздачи и т. п.; и все это — результатъ чисто-бюрократической организаціи переселенческаго дѣла. Коренное преобразование этой организаціи, передача переселенческаго дѣла въ руки учрежденій мѣстнаго самоуправления, а затѣмъ, на этой почвѣ, — болѣе широкая и цѣлесообразная постановка дѣла помощи переселенцамъ представляются многимъ условіями, необходимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточными, чтобы предотвратить на будущее время столь плачевные результаты и сократить до минимума колоссальный рискъ переселенія.

По моему убѣжденію, вопросу, такъ сказать, организаціонному приписывается въ данномъ случаѣ крайне преувеличенное значеніе. Я отнюдь не склоненъ игнорировать наличность серьезныхъ недостатковъ въ современной организаціи и постановкѣ переселенческаго дѣла; согласенъ и съ тѣмъ, что однимъ изъ условій ея улучшенія является привлеченіе общественныхъ силъ къ со-вмѣстной съ органами государственной власти работѣ. Но прежде всего: справедливость требуетъ отмѣтить, что за время съ 1893 г., по почину комитета Сибирской желѣзной дороги и на отпускавшіяся имъ, сравнительно значительныя средства (за десять лѣтъ на переселенческое дѣло было отпущено почти 30 милліоновъ рублей), было сдѣлано очень много для улучшенія условій какъ передвиженія, такъ, хотя въ гораздо меньшей степени, и водворенія переселенцевъ; и мѣряя сдѣланное на нашъ, русскій аршинъ, сравнивая сдѣланное въ этой сферѣ съ тѣмъ „недѣланіемъ“, которое было основнымъ принципомъ нашего правительства въ трудномъ дѣлѣ подъема культурнаго уровня и благосостоянія нашего крестьянства, — приходится признать, что для переселенческаго дѣла не только было сдѣлано не мало, но и что дѣлавшееся дѣлалось не такъ уже плохо. Но главное — попробуемъ приложить къ рѣшенію даннаго вопроса методъ сопутствующихъ измѣненій. Допустимъ, что современная организаціи и постановка переселенческаго дѣла безусловно неудовлетворительна, матеріальная помощь переселенцамъ абсолютно недостаточна и т. д.; но теперь дѣло все-таки кой-какъ организовано, и переселенцамъ все-таки оказывается кой-какая матеріальная помощь. Въ предшествовавшей 1893 году періодъ вся дѣятельность правительства въ интересующей насъ области ограничивалась тщетною борьбой съ переселенческимъ движеніемъ; не было никакой или почти никакой матеріальной помощи, не было ничего похожего

на заботу о переселенцахъ во время передвиженія и тѣмъ болѣе— въ фазисѣ водворенія на „новыхъ мѣстахъ“; самое передвиженіе въ Сибирь было несравненно труднѣе, требовало несравненно большихъ жертвъ и временемъ, и средствами, а нерѣдко — здоровьемъ и жизнью, чѣмъ въ настоящее время. Если бы разсматриваемыя обстоятельства дѣйствительно играли сколько-нибудь рѣшающую роль, то результаты переселенія въ настоящее время должны бы были быть лучше, чѣмъ въ періодъ, предшествовавшій 1893 году. А между тѣмъ мы видимъ діаметрально противоположное: какъ разъ съ середины 90-хъ годовъ, начинается рѣзкое ухудшеніе результатовъ сибирскаго переселенія. Дѣло, значить, не въ организаціи и постановкѣ переселенческаго дѣла; дѣло въ томъ ухудшеніи общихъ условій сибирскаго переселенія, какое мнѣ приходилось уже отмѣчать на предыдущихъ страницахъ: за исчерпаніемъ запасовъ лучшихъ земель, по естественнымъ условіямъ и по мѣстоположенію, переселенцамъ приходится садиться на худшихъ или во всякомъ случаѣ— менѣе подходящихъ къ ихъ требованіямъ земляхъ, притомъ болѣе удаленныхъ отъ того колонизаціоннаго базиса, какимъ являются старожильскія селенія; заработки значительно сократились, а стоимость водворенія и обзаведенія возрасла. А при такихъ условіяхъ ухудшеніе результатовъ переселенія было совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ и не могло быть предотвращено какою-бы то ни было постановкою и организаціею переселенческаго дѣла. Нельзя при этомъ не отмѣтить еще одного обстоятельства—именно качественного, такъ сказать, ухудшенія состава двигающихся въ Сибирь переселенцевъ. Прежде, когда состояніе сообщеній ставило передвиженію въ Сибирь невѣроятныя трудности; когда правительство не только не содѣйствовало, но всячески препятствовало переселенію; когда переселенцамъ, поэтому, не на кого было надѣяться, кромѣ Бога и самихъ себя,—на переселеніе рѣшались только самые энергичные, самые предприимчивые элементы. Въ настоящее время путь въ Сибирь — особенно благодаря льготному тарифу! — дешевѣ и сравнительно удобнѣ; правительство, такъ или иначе, помогаетъ переселенцамъ, даетъ имъ ссуды, кормить и лѣчить во время переезда, — и слухи объ этой помощи, проникая въ крестьянскую среду, нерѣдко, въ до-нельзя преувеличенномъ и извращенномъ видѣ, являются лишнимъ стимуломъ, двигающимъ крестьянъ на переселеніе. При такихъ условіяхъ, естественно, на переселеніе двинулись гораздо менѣе сильные и энергичные элементы,—прежніе піонеры, надѣявшіеся только на свои собственные силы, смѣнились заурядною, сѣрою переселенческою массою, переселяющеюся, въ значительной мѣрѣ, въ расчетѣ на казенныя пособія, весьма мало

способною и склонною бороться съ тѣми, дѣйствительно, огромными трудностями и препятствіями, съ какими встрѣчается современная, въ значительной мѣрѣ таѣжная и подтаѣжная колонизація. Ухудшеніе условій водворенія переселенцевъ въ Сибири, къ которымъ могли бы приспособиться развѣ только исключительно-сильные и предприимчивые элементы, сопровождалось, напротивъ, пониженіемъ общаго уровня переселенческой энергіи и предприимчивости, и это опять-таки, неизбѣжно должно было вести къ пониженію результатовъ переселенческаго движенія.

Сказаннымъ, въ значительной мѣрѣ, предрѣшается вопросъ о будущности сибирскаго переселенія и—обратная сторона той же медали!—о будущности крестьянской колонизаціи Сибири.

Какъ мнѣ приходилось, между прочимъ, упоминать на предъидущихъ страницахъ, тотъ сравнительно необширный районъ, въ которомъ до послѣдняго времени сосредоточивалась русская земледѣльческая колонизація Сибири, можетъ считаться, въ общихъ чертахъ, закрытымъ для дальнѣйшаго вселенія. Нѣкоторый запасъ земель обѣщало дать поземельное устройство старожилаго населенія, при которомъ—мы знаемъ—освобождаются и поступаютъ въ распоряженіе государства, между прочимъ и для переселенческихъ цѣлей, излишнія сверхъ нормы земли, ранѣе состоявшія въ свободномъ пользованіи старожиловъ. Но опытъ довольно продолжительнаго періода, протекшаго со времени открытія поземельно-устроительныхъ работъ, показалъ, что надежды, возлагавшіяся въ этомъ отношеніи на поземельное устройство, были весьма преувеличены: въ сравнительно многоземельномъ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи за шесть лѣтъ землеустройства выдѣлилось всего около ста тыс. десятинъ, могущихъ поступить подъ заселеніе; по Тобольской губерніи, за тотъ-же періодъ, такихъ земель вовсе не оказалось, и ходъ поземельно-устроительныхъ работъ позволяетъ предвидѣть, что и въ будущемъ тѣ излишки, которые окажется возможнымъ обратить подъ переселеніе, будутъ исчисляться какими-нибудь сотнями тысячъ десятинъ. Число же душъ, которыя старожилы обязались допринять на излишнія сверхъ нормы земли, въ итогѣ по всѣмъ четыремъ губерніямъ и Забайкальской области не достигло пока шести тысячъ. Въ прославленномъ своимъ многоземельемъ Алтайскомъ округѣ по Томскому уѣзду оказалось всего около 400 тыс. дес. излишковъ, которые будутъ обращены подъ заселеніе, по Бійскому—даже всего только 50 тыс. десятинъ. Все это—цифры до смѣшного ничтожныя по сравненію какъ съ необъятною общеою площадью Сибири, такъ и съ неизмѣримо большими потребностями русскаго переселенческаго движенія. Кой-какія сотни тысячъ де-

сятинъ—впрочемъ очень плохо обезпеченныхъ водой и поставленныхъ въ очень неблагоприятныя для колонизаціи климатическія условія, будутъ, вѣроятно, обращены подъ заселенія въ степяхъ юго-западнаго, почти пустыннаго въ настоящее время угла Каинскаго уѣзда и прилегающей къ киргизскимъ степямъ окраины Алтайскаго округа (Бель-Агачская степь), можетъ быть и въ нѣкоторыхъ инородческихъ районахъ средней Сибири,—и конецъ. Дальнѣйшая колонизація Сибири будетъ, поэтому, болѣе или менѣе исключительно таѣжною колонизаціею, и вопросъ о будущности колонизаціи Сибири почти совпадаетъ съ вопросомъ о будущности колонизаціи сибирской тайги.

Ислѣдованія и землеотводныя работы послѣдняго десятилѣтія обнаружили и безспорно доказали совершенную ошибочность еще недавно существовавшихъ и въ обществѣ, и среди крестьянъ, и въ правительственныхъ сферахъ представленій о тайгѣ и о ея, приблизительно, синонимѣ—западно-сибирскихъ урманахъ, какъ о сплошныхъ, первобытныхъ, дремучихъ лѣсахъ, годныхъ исключительно для звѣрованья, для оръшнаго промысла и пчеловодства. Въ перемѣшку съ сосновыми борами и „черною“ тайгой были обнаружены обширныя пространства безлѣсныхъ „еланей“ и покрытыхъ лиственнымъ рѣдколѣсьемъ „бѣльниковъ“, вполне пригодныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія и не слишкомъ трудныхъ для разработки: колоссальныя лѣсные пожары совершенно измѣнили, на огромныхъ пространствахъ, первобытную физономію тайги—почва освободилась отъ избытка влажности, таѣжный бурьянъ смѣнился мягкой и доброкачественною травою, самый климатъ сталъ болѣе мягкимъ и соответствующимъ требованіямъ земледѣльческой культуры. Такого рода „открытія“—мы смѣло можемъ употребить, въ данномъ случаѣ, этого слово—имѣли мѣсто и по всѣмъ четыремъ губерніямъ коренной Сибири, и въ областяхъ дальняго востока. И не подлежить, повидимому, сомнѣнію, что та таинственная завѣса, которая еще немного лѣтъ тому назадъ наглухо закрывала отъ насъ сибирскую тайгу, пока еще только приподнята, и что въ будущемъ предстоятъ все новыя и новыя „открытія“. Мы не можемъ, поэтому, даже приблизительно сказать, какъ велико общее количество земель, которыя въ данный моментъ могли бы—собственно по своимъ естественнымъ условіямъ—поступить подъ заселеніе и разработку, тѣмъ болѣе не можетъ сказать, сколько милліоновъ десятинъ еще созрѣетъ для культуры черезъ десять или черезъ сто лѣтъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода разрѣженія и освѣтлѣнія тайги. И въ то время какъ въ заселенныхъ районахъ Сибири или въ степномъ краѣ русская колонизація уже почти упер-

лась въ глухую стѣну,—въ сибирскихъ лѣсахъ она встрѣчаетъ только эластичную преграду, которая будетъ отступать все дальше и дальше, съ каждымъ десятилѣтіемъ и съ каждою четвертью вѣка.

До какихъ предѣловъ расширится, черезъ двадцать пять или сто лѣтъ, полоса земледѣльческой колонизаціи Сибири; до какой цифры дойдетъ, черезъ такой-же промежутокъ времени, ея земледѣльческое населеніе,—этого, въ настоящее время, нѣтъ никакой возможности сказать. Можно однако съ увѣренностью утверждать, что колонизація таѣжныхъ пространствъ, а слѣдовательно и вообще дальнѣйшая колонизація Сибири не можетъ и не должна идти сколько-нибудь быстрымъ темпомъ. Въ тайгѣ хорошо устраивался переселенецъ-піонеръ, который преодолевалъ „крѣпкія заставы“ и всяческія затрудненія и препятствія, и твердо зналъ, что ему не на что надѣяться, кромѣ собственнаго труда и энергіи,—но въ тайгѣ не устроится нынѣшній переселенецъ, идущій въ Сибирь въ расчетѣ на дешевый тарифъ и на казенныя пособія. И что еще важнѣе; селиться и устраиваться въ тайгѣ способны и склонны только выходцы изъ лѣсныхъ же мѣстностей, а не степняки, составляющіе нынѣ подавляющее большинство нашего массоваго переселенія. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ приводить здѣсь цифровыхъ данныхъ о направленіи переселенческаго движенія изъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи; но анализъ этихъ данныхъ неоспоримо доказываетъ, что лѣсные участки сколько-нибудь охотно заселяются лишь выходцами изъ лѣсныхъ районовъ и вовсе не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ для выходцевъ изъ черноземной Россіи, т. е. какъ разъ изъ тѣхъ именно мѣстностей, которыя всегда являлись и до сихъ поръ остаются главнымъ очагомъ переселенческаго движенія. Не даромъ сельскохозяйственные комитеты многихъ изъ губерній черноземной полосы такъ настоятельно требовали, чтобы „переселенцы попадали въ мѣстности, сходныя по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ съ мѣстомъ ихъ прежней жизни“, и на этомъ основаніи такъ желали замѣнить сибирское переселеніе переселеніемъ въ какіе-нибудь другіе, болѣе подходящіе для черноземныхъ крестьянъ, колонизаціонные районы. Мы не имѣемъ также возможности вдаваться въ анализъ цифровыхъ данныхъ о безрезультатномъ ходячествѣ и объ обратномъ переселеніи,—и тѣ и другія, опять-таки, неопровержимо свидѣтельствуютъ, какъ мы отчасти видѣли выше, о все возрастающей трудности для ходоковъ прискаты въ Сибирь землю, для переселенцевъ—прочно обосноваться и устроиться въ Сибирь. И что особенно характерно: въ то время, какъ въ такихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ

киргизская степь, Алтай и т. п., вообще въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ земель степного типа, безрезультатное ходачество и обратное переселеніе объясняется, въ главной массѣ, переполненіемъ этихъ районовъ; для районовъ съ преобладаніемъ лѣсныхъ земель на первый планъ выступаютъ такія причины, какъ „негодность почвы“, или какъ точнѣе было бы выразиться—ея несоотвѣтствіе потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ переселенцевъ, и „суровость климата“; по даннымъ опросовъ, производившихся въ главномъ узловомъ пунктѣ переселенческаго движенія, Челябинскѣ, эти двѣ причины обусловливали для Енисейской губерніи почти двѣ пятыхъ, по Иркутской—почти пять шестыхъ всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества; тѣми же причинами были вызваны для Енисейской губерніи половина, для Иркутской губерніи—четыре пятыхъ всѣхъ случаевъ обратнаго переселенія, которые удалось выяснить при статистическомъ опросѣ. Повторяю: „негодность почвы“—это отнюдь не абсолютная негодность; при подходящемъ подборѣ колонизаціоннаго элемента, условія таёжной и урманной или, по крайней мѣрѣ подтаёжной и при-урманной колонизаціи, во многихъ отношеніяхъ, даже болѣе благоприятны, чѣмъ условія колонизаціи степныхъ районовъ, съ ихъ почти хроническими засухами и нашествіями кобылки; это—несоотвѣтствіе лѣсныхъ земель и климатическихъ условій таёжныхъ и подтаёжныхъ мѣстностей тому, чего ищутъ и чего требуютъ ходоки и переселенцы, при наблюдаемомъ, за послѣднія десятилѣтія, преобладаніи выходцевъ изъ черноземной полосы. Но такое преобладаніе—это фактъ, съ которымъ приходится считаться. Переселеніе изъ сѣвернаго полѣсья, еще не такъ давно довольно значительное, дававшее для сибирскихъ лѣсовъ наиболѣе сильные и энергичные колонизаціонные элементы, въ послѣднее время почти совершенно прекратилось, и при обиліи ненаселенныхъ государственныхъ земель на сѣверѣ Европейской Россіи нѣтъ основаній ожидать, чтобы это переселеніе возобновилось въ сколько-нибудь ощутительныхъ размѣрахъ.

Итакъ: мы не можемъ сказать, скоро ли наступитъ, въ необъятныхъ сибирскихъ лѣсахъ, конецъ начавшихся во второй половинѣ 90-хъ годовъ „открытій“, и каковы будутъ, въ концѣ концовъ, ихъ размѣры; не можемъ, слѣдовательно, сказать, сколько сотенъ тысячъ или милліоновъ переселенцевъ можетъ принять въ будущемъ коренная Сибирь. Но характеръ тѣхъ земель, какія могутъ заселяться въ сибирскихъ лѣсахъ, тяжелыя условія первоначальнаго обзаведенія и устройства, при рѣшительномъ преобладаніи, среди современной переселенческой массы, элементовъ, совершенно не обладающихъ качествами и навыками таёжныхъ пионеровъ, позволяетъ намъ по-

ложительно утверждать, что переселеніе въ коренную Сибирь не можетъ и не только не можетъ—не должно быть значительнымъ; не можетъ и не должно имѣть массоваго характера. Оно можетъ растянуться и, вѣроятно, растянется еще на много лѣтъ, можетъ быть на цѣлыя столѣтія, пока не будутъ исчерпаны кроющіеся въ дѣбряхъ урмановъ и тайги, можетъ быть весьма значительные, запасы земель, удобныхъ для заселенія и культуры. Но оно—повторяю—не можетъ и не должно итти тѣмъ форсированнымъ аллюромъ, какимъ оно пошло-было въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія: „кульминаціонный пунктъ сибирскаго переселенія—совершенно правильно говорить одинъ иностранецъ, К. Виденфельдъ, авторъ солидной работы, посвященной, между прочимъ, вопросу о колонизаціи Сибири,—уже достигнутъ; въ теченіе нѣкотораго времени, можетъ быть, мощная волна переселенія еще будетъ переливаться въ Сибирь; но отливъ не заставитъ себя ждать, и только слабый ручеекъ будетъ просачиваться тамъ, гдѣ теперь лишь съ величайшими усиліями удастся удерживать въ берегахъ бушующія волны переселенческаго движенія“. Впрочемъ, для настоящаго момента, собственно по отношенію къ переселенческому движенію въ коренную Сибирь къ сказанному приходится уже внести довольно существенныя поправки: въ послѣднее время уже не приходилось задерживать бушующихъ волнъ переселенія, —напротивъ, правительству, видѣвшему и видящему въ переселеніи средство разрѣдить пересыщенную электричествомъ атмосферу русской деревни, пришлось, —по официальному признанію— „рекламировать“ и „пропагандировать“ переселеніе, чтобы вызвать новый ростъ уже затихаго-было переселенческаго движенія. Возобновившійся въ 1906 г. и значительно усилившійся въ 1907 году наплывъ переселенцевъ, между прочимъ, и въ коренную Сибирь, вызвалъ —какъ нельзя было не предвидѣть—массу неурядицъ въ моментѣ водворенія, и, увы—можно быть увѣреннымъ въ томъ, что за этою искусственно вызванною „мощною волною“ переселенческаго движенія послѣдуетъ не менѣе мощная волна обратнаго переселенія.

Переселеніе въ коренную Сибирь и въ Приамурье, или, что при данныхъ условіяхъ почти синонимъ,—переселеніе въ сибирскую тайгу не только не можетъ, но и не должно итти сколько-нибудь форсированнымъ темпомъ. По совершенно правильному замѣчанію другого иностранца, О. Аугагена, чрезвычайно добросовѣстно изучившаго условія сибирскаго хозяйства и колонизаціи и въ настоящее время являющагося однимъ изъ лучшихъ знатокомъ Сибири, при рѣшеніи вопроса о возможныхъ размѣрахъ и желательномъ темпѣ переселенія въ Сибирь „надо считаться съ тѣмъ

обстоятельствомъ, что землеотводныя работы проникаютъ все глубже въ дебри лѣсно-болотистой полосы Сибири, а въ этой полосѣ нѣтъ возможности разомъ заселять произвольно большихъ количествъ земли. Вновь образуемый переселенческій участокъ не можетъ быть слишкомъ удаленъ отъ базиса, представляемаго болѣе ранними поселеніями, — иначе легко можетъ случиться, что переселенецъ, не имѣющій, долгіе годы по водвореніи, собственнаго хлѣба, въ теченіе долгой зимы отрѣзанный отъ всего остального міра, впадетъ въ крайнюю нужду, если только ему не удастся окончательно бѣжать въ такія мѣста, гдѣ бѣднякъ можетъ рассчитывать на помощь болѣе зажиточнаго“. Или говоря общѣе: переселеніе въ лѣсныя дебри коренной Сибири и Приамурья должно быть сообразовано не только съ выясненными, къ каждому данному моменту, размѣрами, колонизаціоннаго земельного фонда, но главное — съ широтою того колонизаціоннаго базиса, на который можетъ опереться дальнѣйшее заселеніе. Заселеніе таѣжныхъ и урманныхъ пространствъ должно подвигаться, такъ сказать, уступами; колонизація каждаго отдѣльнаго района, сколько бы тамъ ни было найдено удобныхъ земель и нарѣзано участковъ, можетъ и должна итти лишь съ такою постепенностью, при которой вновь возникающіе, въ заселяемой въ данное время полосѣ, переселенческіе поселки имѣли бы достаточно крѣпкій и широкій базисъ въ ранѣе возникшихъ и успѣвшихъ окрѣпнуть старожильскихъ или переселенческихъ поселкахъ. „Цѣны разныхъ предметовъ обихода, писалъ не такъ давно большой знатокъ колонизаціоннаго вопроса и прекрасный наблюдатель, А. М. Беркенгеймъ, а съ другой — цѣны на работу у старожиловъ входятъ въ составъ понятія о колонизаціонной ёмкости Сибири“. Если колонизація таѣжныхъ и урманныхъ пространствъ будетъ итти шире, чѣмъ это допускаетъ широта подведеннаго подъ нее предыдущую колонизаціею базиса, — если, иначе сказать, та или другая полоса тайги начнетъ заселяться раньше, чѣмъ успѣетъ окрѣпнуть колонизація полосы, заселявшейся передъ тѣмъ, или если численность вновь водворившагося населенія будетъ болѣе того, что можетъ найти себѣ хлѣбъ, инвентарь и заработки въ уже окрѣпшихъ, болѣе раннихъ поселеніяхъ, а тѣмъ болѣе если переселенцы массами будутъ водворяться въ глухой тайгѣ, совершенно отрѣзанной отъ уже колонизованныхъ районовъ, то это приведетъ къ неминуемому, непомерному повышенію цѣнъ на хлѣбъ и на другіе продукты продовольствія, на живой инвентарь, на сѣмена и т. д., — а то и въ совершенной невозможности достать необходимое для новыхъ поселенцевъ; столь же неминуемо это приведетъ къ совершенному обезцѣненію рабочихъ рукъ или къ

совершенной невозможности, для новыхъ поселенцевъ, достать какіе-либо заработки. И этотъ колонизаціонный базисъ не можетъ быть замѣненъ никакою государственною помощью, никакимъ правительственнымъ попеченіемъ о переселенцахъ; всякая колонизаціонная постройка, несоразмѣренная съ его широтою и брѣжностью, будетъ неминуемо обречена на упадокъ и разореніе.
